

Украина пошла на окончательный разрыв?

Погрузившийся
в темноту после
подрыва ЛЭП Крым —
точная иллюстрация
наших отношений

ПОНЕДЕЛЬНИК

ЧЕТВЕРГ

НОВАЯ газета

СТРАНИЦЫ 4–5

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

№ 87 (2417) 26.11.2015 г.

Боевые потери

Крушение
российского Су-24
на границе Сирии
с Турцией

Факты. Реакция.
Последствия

СТРАНИЦА 2

Сестра солдата

Рассказ женщины, потерявшей брата
на «неизвестной войне».
Кого винить — его или Родину?
Кого любить — его или ее?

СТРАНИЦЫ 11–14

Шесть секунд

Турецкие военные знали, что российские самолеты вынужденно пролетают два километра над их территорией

На севере Сирии, в провинции Латакия, истребитель F-16 ВВС Турции атаковал и сбил российский фронтовой бомбардировщик Су-24. Официальная Анкара утверждает, что российский самолет нарушил воздушное пространство Турции и был сбит после неоднократных предупреждений.

Если наложить траектории на карту, российский самолет в момент атаки действительно находился над территорией Турции, которая вклинивается в территорию Сирии кишкой шириной чуть больше двух тысяч метров.

Если посмотреть розу ветров в районе Латакии, там постоянно дуют сильные ветра с юга. И самолеты могут заходить на посадку на авиабазу «Хмеймим» исключительно с севера, то есть со стороны сирийско-турецкой границы. То есть российские самолеты вынуждены, идя на посадку, заскакивать на несколько секунд на территорию Турции. И такие «заскоки» происходили регулярно с 30 сентября.

Официальная Турция об этом осведомлена. Получается, что утром 23 ноября турецкий самолет F-16 просто караулил российский бомбардировщик? В таком случае решение об атаке самолета ВКС России было принято на самом высоком уровне.

Реконструкция крушения Су-24 (на основании данных Министерства обороны Турции)

В район падения самолета и катапультирования экипажа вылетели пять вертолетов Ми-8. По сведениям наших источников в военной разведке Сирии, на борту каждого вертолета находились сирийцы — проводники и переводчики и бойцы морской пехоты и спецподразделений Главного управления Министерства обороны (прежнее наименование — спецназ ГРУ).

Вертолеты сразу полетели в район, откуда исходили сигналы радиомаячка, который установлен на каждой катапульте. Но они смогли шесть лишь в нескольких километрах от места приземления летчиков. При заходе на посадку один из вертолетов был обстрелян с земли. Погиб один из морских пехотинцев.

Катапультировавшегося пилота обнаружили около полудня, после пешего выдвижения в район, откуда ис-

ходил сигнал радиомаячка. Летчик был захвачен одной из действующих в этом районе бандгрупп.

Диверсионно-разведывательные группы со всех вертолетов сосредоточились в районе обнаружения пилота, обложили бандгруппу, вступили в переговоры с полевым командиром и принудили его выдать захваченного летчика.

Около трех часов дня пилот сбитого Су-24 был доставлен на авиабазу «Хмеймим». Поиски второго летчика шли до позднего вечера, но не дали результата.

Министр обороны Сергей Шойгу подтвердил, что один из членов экипажа был спасен спецподразделениями российской и сирийской армий.

Ирек МУРТАЗИН, «Новая»

ВЗГЛЯД ИЗ РЕДАКЦИИ

Президент Путин выступил с резким заявлением по ситуации вокруг сбитого на турецко-сирийской границе российского фронтового бомбардировщика Су-24. По словам президента, самолет был уничтожен истребителями Турции, несмотря на отсутствие угрозы с российской стороны. Президент охарактеризовал случившееся как «удар в спину», нанесенный «пособниками террористов». «Наши самолеты проводили операцию по борьбе с ИГИЛ (запрещенной в России террористической организацией) в северной Латакии — это горная часть, где сосредоточены боевики, в основном выходцы из Российской Федерации, и в этом смысле они выполняли свою прямую задачу превентивных ударов по террористам», — заявил он во время встречи с королем Йордании Абдаллой II, проходившей в Сочи.

Путин добавил, что Россия не потерпит подобных действий со стороны Турции. Туда, по его словам, «идет большое количество нефти и нефтепродуктов с захваченных в Сирии территорий». «Отсюда и большие денежные потоки, большая денежная подпитка бандформирований, а теперь еще и ударами в спину, ударами по нашим самолетам, которые борются с террористами, и это при том, что мы с американскими партнерами подписали соглашение о предупреждении инцидентов в воздухе», — заявил президент. Созыв экстренного заседания НАТО по инициативе Турции после гибели Су-24 президент охарактеризовал как попытку поставить альянс на службу террористам: «Вместо того чтобы немедленно наладить с нами необходимый контакт, насколько нам известно, турецкая сторона обратилась к своим партнерам по НАТО для обсуждения этого вопроса. Как будто это мы сбили турецкий самолет, а не они наш».

Минобороны РФ после гибели Су-24 на несколько часов погрузилось в молчание и первоначально даже отрицало причастность турецких ПВО к атаке на

Кризис в Латакии

После гибели Су-24 на турецкой границе Россия и НАТО стоят перед выбором — эскалация конфликта или попытка сложного компромисса

бомбардировщик, несмотря на заявления Анкары. Очевидно, шла выработка официальной российской позиции, которая ко второй половине дня 24 ноября была сформулирована. Минобороны утверждает, что российский самолет не нарушал воздушное пространство Турции, был уничтожен на расстоянии около 1 км от турецкой границы и упал на территории Сирии. Российские военные настаивают, что у них есть объективные подтверждения этой версии. Одновременно министр иностранных дел РФ Лавров отменил запланированный заранее официальный визит в Анкару, в ходе которого предполагалось обсуждать, в частности, возобновление сотрудничества по «Турецкому потоку».

Пока обе стороны не хотят отказываться от взаимных обвинений, несмотря на все риски, среди которых и военнополитический кризис, предполагающий прямую конфронтацию с НАТО, и распад складывающегося международного анти-террористического фронта, что приведет к усилению позиций исламистов. Россия получает еще одного потенциального оппо-

нента у своих границ, что будет означать новые потери для российской экономики и крайне затрудняет успешное завершение военной операции ВКС РФ на территории Сирии. Ставки в сирийском конфликте резко пошли вверх, и взвинчены они были, как можно предположить, в результате политического решения Турции.

Интересы Турции мало принимались в расчет в ходе выстраивания российской военной стратегии в регионе. Москва сделала ставку на традиционных соперников и оппонентов Анкары — режим Асада в Сирии, курдов и Иран. Турция рассматривалась российскими экспертами в качестве лояльного союзника США, не готового действовать самостоятельно. Сближение США и России, наметившееся после парижских терактов, крайне негативно воспринималось в Анкаре: в конфигурации антитеррористической коалиции, предложенной в Москве, Турции была отведена второстепенная роль. В то же время сам Эрдоган и его советники видят себя в качестве ключевой военно-политической силы в регионе.

Риски беспрецедентны для новейшей истории взаимоотношений России и НАТО. На российском телевидении уже рассуждают о «новом Карибском кризисе», в министерства обороны обеих стран вызваны военные атташе посольств. К счастью, пока все воздерживаются от заявлений о дальнейшей военной эскалации конфликта, но и первых заявлений турецкой, а затем российской стороны достаточно для того, чтобы поддерживать напряжение.

Существуют два сценария дальнейшего развития событий. Первый из них — наращивание агрессивной риторики и взаимных обвинений России и Турции в пособничестве террористам. Этот сценарий предполагает, что США и союзникам придется выбирать между поддержкой одной из двух стран. И основания считать, что выбор будет сделан в пользу Москвы, на сегодняшний день отсутствуют — перед Анкарой у Запада есть формальные союзнические обязательства в рамках НАТО. Развитие агрессивной риторики может спровоцировать наземную операцию РФ на территории Сирии, последствия которой будут еще более непредсказуемыми.

Второй сценарий сводится к тому, чтобы отказаться от взаимных обвинений и искать компромисс. Остается надеяться, что у Москвы и Анкары хватит мужества и разума пойти на него.

Кирилл МАРТЫНОВ,
«Новая»

Сближение США и России, наметившееся после парижских терактов, крайне негативно воспринималось в Анкаре. Турция была отведена второстепенная роль

ЧП в стране продлили на три месяца, но Рождество отменять никто не собирается. На Елисейских Полях по привычке зажгли иллюминацию, открыли рождественский рынок. «Париж всегда будет Парижем»¹, — сообщают стоящие у дорог информационные табло мэрии. — Концерты, спектакли, выставки, ночные клубы...»

3 а этой надписью ползет следующая: «Медико-психологический кризисный центр — в (больнице) Hotel-Dieu... Телефон...» Потом еще одна: «Студенты, лицеисты, наши команды мобилизованы для того, чтобы выслушать вас и поддержать...»

В пятницу 27 ноября в Доме инвалидов пройдет национальная церемония прощания с погибшими. Конечно, будет Олланд. А пока он с утра до вечера встречается с другими лидерами, чтобы собрать «мировую коалицию против терроризма». В понедельник в Париже был Кэмерон, пообещав присоединиться к бомбардировкам в Сирии, потом — Туск, на следующий день — Обама в Вашингтоне, потом — Меркель в Париже, потом — Путин в Москве...

«Это война», — говорили после теракта и президент Олланд, и премьер Вальс. Причем говорили не только о войне на территории ИГИЛ (эта террористическая организация запрещена в России), но и о войне на земле Европы. «Терроризм не уничтожит Республику, потому что это Республика уничтожит терроризм», — сказал Олланд, предлагая (относительно) жесткие меры, применения которых раньше требовали только правые и ультраправые.

«Конечно, — соглашается Клод Роккати, — терроризм не уничтожит Республику... Ведь в худшем случае — это несколько групп на всю Францию». Клод говорит, что это не означает, что угроза несерьезна, но это точно не значит, что борьбу с ней следует называть войной: «Так мы придаем террористам слишком большое значение. Они того не стоят».

Клод — преподаватель истории в университете Гавра. Мы сидим с Клод и ее коллегой Сильваном Дюфрессом² в парижском кафе. С энтузиазмом пьем вино, выполняя призыв Шарля Азнавура и других французских деятелей культуры, науки, политики, журналистики... Деятели обратились ко всем с призывом: «21.20, пятница, 20 ноября: Париж, Франция, мир, вставайте!» «Зажжем свечи и свет, сядем в наших кафе, выйдем на улицы наших городов, и пусть будет слышна му-

« Деятели культуры обратились ко всем с призывом: «21.20, пятница, 20 ноября: Париж, Франция, мир, вставайте!» «Зажжем свечи и свет, сядем в наших кафе, выйдем на улицы наших городов, и пусть будет слышна музыка, которую они (террористы) ненавидят»

зыка, которую они (террористы) ненавидят». «Они хотели погасить свет, который мерцает в ритме музыки, иногда тлеет на кончиках наших сигарет, отражается в бокалах, которые мы выпиваем вместе», — говорится в заявлении.

Но у террористов, конечно, ничего не получится. Об этом говорит и Клод. Мы пьем. Рядом курят. Где-то играет музыка.

¹ Песня 1939 г. Первый исполнитель — Морис Шевалье.

² Преподаватель истории в лицее им. Марселя Пяньоля в парижском пригороде Атис-Монс.

Пьер Огюст Ренуар. «Завтрак гребцов». С 1880 года традиции не изменились

Вина Парижа

После терактов артисты и ученые призывают всех приходиться на террасы кафе и наполнять бокалы. «И пусть будет слышна музыка»

За последние сто лет Франция знала разный терроризм — алжирский, корсиканский, баскский, ультраправый и ультралевый...

Клод: «Я хорошо помню теракты на моей ветке RER, это 1995—1996-й, мне 12 лет... Станции «Сен-Мишель» и «Порт-Рояль»...

В свою очередь, я подумал: сколько терактов было в России, сколько терактов было в Москве за последние 16 лет...

Сильван предлагает взять еще по бокалу.

Пока несут красное, мы обсуждаем другие события парижской действительности.

Предполагаемая террористка-смертница, «первая в истории Франции», оказалась террористом-смертником.

Убитый при штурме Абауд — «самый разыскиваемый террорист Европы» — мог гулять по континенту долгие месяцы, напоминая бывший министр обороны Эрве Морен в эфире RFI.

Пока кто-то не заметил Абауда на улице, 17 ноября, через четыре дня после терактов, и не позвонил в полицию.

Абауд — один из командиров ИГИЛ, воевал в Сирии. Как и еще несколько террористов, атаковавших Париж. Двое смертников попали в Европу под видом сирийских беженцев.

«Это общеевропейский провал, а не французский», — говорит Клод.

С ее мнением согласно большинство французских рейтинги власти после терактов выросли. Как и в прошлый раз.

Впрочем, поддержка власти — это тоже часть молчаливой борьбы людей с терроризмом.

20 ноября министр внутренних дел Франции на экстренном заседании министров ВД стран ЕС (там же в Брюсселе) просит прислушаться, наконец, к требованиям Франции и создать общеевропейскую базу авиапассажиров PNR (Passenger Name Record). В базу должна поступать информация о перелетах, именах сопровождающих, данных банковской карты покупателей билетов. Информация должна храниться минимум год, настаивает французский министр, а не месяц, как предлагают сейчас. Договорились пересмотреть правила Шенгена: скоро начнут проверять на въезде и выезде из Европы паспорта всех граждан ЕС.

А пока Фабрис Арфи, журналист-расследователь, говорит во время дебатов на сайте Mediapart о том, что во Франции «бесчисленное количество антитеррористических служб <...>, которые не коммуницируют или делают это очень плохо».

После январских терактов (редакция CharlieHebdo, магазин HyperCacher...) премьер Вальс говорил про «упущения» в работе французских спецслужб.

Сейчас в эфире телеканала France 2 у депутата правящей партии спрашивают, не было ли упущений на этот раз? Депутата зовут Жан-Жак Юрвоас, он от-

вечает в Соцпартии за политику в сфере безопасности. Депутат говорит, что теракты пресекались «каждый день», и сейчас ведется 172 дела, связанных только с «иракско-сирийской ячейкой». А сколько антитеррористических мер и законов было принято за последние три года! При старой власти такое и представить себе было невозможно.

Но на вопрос: можно ли быть уверенным в том, что все французы, которые возвращаются из Ирака и Сирии, будут под контролем, депутат отвечает: «Нет! Потому что мы пока не имеем необходимых инструментов».

Проблема в том, что даже если у Франции найдутся «необходимые инструменты», нужно сделать так, чтобы они появились еще и у всех других стран Европы. Например, у Греции, через которую въехали двое «парижских» террористов. «Инструменты» (хотя бы для проверки базы PNR) — это огромные деньги. И надо найти их поскорее.

В парижских книжных тем временем сметаю «Праздник, который всегда с тобой». Продажи билетов на концерты сильно упали, сообщают продавцы билетов. Зато продажи французских флагов выросли вдвое, сообщают производители флагов.

«Такого национального единения во Франции не было давно, — говорит Клод, отпивая из бокала, в котором, конечно, отражается не только извечный свет Парижа, но и ужас 13/11/15: «Они атаковали всю Францию. На террасах кафе и баров в ту пятницу — в этом живом, таком парижском, таком нетуристическом районе — были какие угодно люди. И после того, что произошло, мы все поняли: жертвой может стать абсолютно любой, они атаковали всех нас. У каждого есть кто-то, кто был на террасе, в «Батаклане» или на стадионе».

В первую неделю любой разговор в Париже начинался со слов: «Вы живы?!.. У вас ТАМ никого не было?»

«В понедельник после терактов я пришел в лицей и ничего не сказал детям, — говорит Сильван. — Просто не мог говорить об этом. Такой был шок. Дети, которые взяли и, не сговариваясь, пришли в черной одежде, ничего и не спрашивали».

«Трое (!) моих учеников после этих терактов сказали, что пойдут служить в армию. Я была поражена. Это абсолютно разные люди», — добавляет Клод.

«В 2014 году мы получали в среднем 100—150 заявок в день, после терактов в январе-2015-го — уже 400, а после терактов ноября звонят по 1500 человек в день», — говорит главный военный рекрутер.

В армию идут очень молодые, но и теракты совершают — очень молодые.

Преподаватель философии в Высшей нормальной школе Парижа Фредерик Вормс в спецвыпуске «Либерасьон» под названием «Поколение «Батаклан» задается вопросами: разве на террасах кафе было все поколение и разве террористы не того же возраста, что и их жертвы?

«В ответ» Клод и Сильван повторяют: террористы — это жалкие сотни людей.

Многие левые интеллектуалы опасаются, что страна начнет удаляться от ценностей, добытых кровью четырех революций. Призывают не поступаться свободами в обмен на обещание безопасности.

Впрочем, до этого вряд ли дойдет.

В воскресенье, 22 ноября, сотни французских правозащитников прошли маршем в поддержку мигрантов от площади Бастилии до площади Республики. Полиция не решилась трогать правозащитников и просто шла позади в течение почти всего марша.

Во Франции силы правопорядка по-прежнему на шаг отстают от гражданского общества.

Юрий САФРОНОВ,
соб. корр. «Новой», Париж

Беспросветная республика

Уже утром в воскресенье свет появился в жилых домах практически всех крупных населенных пунктов республики. Севастополю и Симферополю повезло больше: в некоторых городских районах электричество до сих пор подается бесперебойно, невзирая на введенный график веерных отключений. Кому-то повезло меньше: у них свет то появляется, то гаснет через каждые 4–8 часов.

Кому-то, как, например, жителям Керчи, не повезло совсем: из-за нехватки электроэнергии в городе возникли проблемы с мобильной связью, водоснабжением, возможностью купить топливо на автозаправках. Дело дошло до того, что ночью практически весь личный состав местной полиции вышел на дежурство по охране общественного порядка.

Понедельник, 23 ноября, был объявлен выходным днем, так как местные власти хотели перестраховаться на случай возникновения непредвиденных кризисов. Также был введен режим ЧС, который может продлиться до конца декабря, когда в Крым должны закончить первую очередь энергомота из России, предоставив республике мощность в 300 МВт. Проблема

В ночь с субботы на воскресенье, 22 ноября, после подрывов ЛЭП Крым перестал получать электроэнергию из Украины и погрузился во мрак

только в том, что даже при дневной температуре +18 пиковые утренние нагрузки, по заявлениям местных властей, составляют 800 МВт, из которых сейчас полуостров самостоятельно вырабатывает 300.

Зимой нагрузки будут гораздо выше, учитывая потенциал взорванных линий: 1000–1200 МВт. Даже если в декабре в Крым проведут энергомот, а сама республика не станет вырабатывать меньше за счет работы мобильных газотурбинных электростанций, дефицит электроэнергии все равно будет доходить до 50%. А это значит, что в ближайшее время без украинского электричества Крым обречен на весьма некомфортные условия существования.

«Даже если в декабре в Крым проведут энергомот, а сама республика не станет вырабатывать меньше за счет работы мобильных электростанций, дефицит электроэнергии все равно будет доходить до 50%»

Причины и следствия

21 ноября, за несколько часов до полного отключения электроснабжения в Крыму, на Украине отмечали годовщину начала «революции достоинства» — старт Евромайдана. Вечером этого же дня крымские татары устроили импровизированный митинг у стен администрации президента. В мероприятии также приняли участие украинские политические активисты.

Митинг прошел под лозунгом «Крым — это Украина!». Перед протестующими выступил лидер крымских татар Рефат Чубаров, который сообщил, что вместе с Петром Порошенко намерен поставить

перед западными партнерами вопрос о расширении Минских договоренностей и обязательном включении в их перечень пункта о возврате полуострова Украине. Хотя митинг был малочисленным (всего около 300 человек), к активистам вышел заместитель главы администрации президента Ростислав Павленко, заверивший, что чиновники обязательно подключатся к ситуации с понедельника.

За сутки до этого — 20 ноября — были взорваны опоры на двух воздушных линиях: «Мелитополь — Джанкой» и «Каховская — Титан». А на двух оставшихся ЛЭП — «Каховская — Островская» и «Каховская — Джанкой» — команда НЭК «Укрэнерго» обнаружила следы взрывчатки. Но технические отчеты НЭК «Укрэнерго» свидетельствуют, что изначально подрывники планировали снести опоры на всех четырех линиях еще 20 ноября.

Интересно, что участники торговой блокады Крыма (активисты Меджлиса крымско-татарского народа, представители запрещенного в РФ Правого сектора, батальона «Айдар» и прочих организаций), заявили, что не имеют никакого отношения к взрывам, но сразу же

РЕПОРТАЖ

Операция при свете фонаря

— Вообще-то мне нельзя с вами говорить без разрешения главврача, но случай показательный, — с хирургом Симферопольской городской больницы Владиславом мы общаемся в холле второго этажа административного корпуса. — В ночь на воскресенье я находился на двенадцатичасовом дежурстве, и к нам привезли мужчину с открывшейся язвой желудка и кровоизлиянием. Операцию нужно было проводить в сжатые сроки: максимум 3 часа. Начали в 23.40.

По словам Владислава, наркоз уже действовал, пациент лежал с подключенным аппаратом ИВЛ, когда в операционной зазвучал бесперебойник.

— Это значит, что у тебя есть 15 минут до того момента, как свет пропадет полностью. А у меня на операционном столе лежит человек. Я посмотрел на часы: 00.27. Нужно было включать дополнительные генераторы. Через 4 минуты этого не произошло, и я попросил ассистента выключить свет, чтобы как можно больше электроэнергии уходило на аппарат ИВЛ: он у нас старый, без электричества не работает. Около двух минут мы делали надрезы с фонарем. Затем все-таки электричество дали.

«Энергоблокада» серьезно ударила по симферопольской больнице.

— Что делать с неходячими? — из-за закрытой двери слышен разговор двух врачей. — 16 человек сегодня должны выписаться, а они до родственников дозвониться не могут: связи нет. Кто их заберет?

— Ну на обед их оставим, а там посмотрим.

— Так я уже и на пищеблок заказ без них передала.

— Тогда беги, извиняйся, скажи, что будут есть.

В приемной главного врача — только секретарь.

— Можно поговорить с главным? — спрашиваю.

— Вы с ума сошли? — секретарь сразу срывается на крик. — Думаете, у нее время есть? Она как в 8 утра ушла на обход, так только 10 минут назад вернулась, переоделась и убежала на совещание в Минздрав (на часах 13.20). Думаете, есть время болтать? Вы же сами все видите.

Транспортный коллапс

В аэропорту Симферополя автобусы и троллейбусы обычно забирают пассажиров через каждые 5 минут, но на этот раз я не дождался транспорта ни через 10, ни через 20 минут. Троллейбусы со спущенными проводами стояли на кру-

Удар током

В ночь на воскресенье на операционном столе в Симферопольской больнице едва не умер человек

ге, маршруток не было видно. Пришлось договариваться с таксистом: с большой неохотой он снизил стоимость поездки с 500 до 400 рублей.

— Сейчас у нас золотое время, — говорит Константин. — Еще в субботу я бы тебя за 150 рублей довез, а теперь извини: троллейбусы не ходят, автобусы тоже.

— Автобусы-то почему?

— Ну бензина же нет: света нет — автозаправки не работают. Я себе залил двойной бак и еще в гараже девять канистр, как только узнал, что с электричеством проблемы. На заправке очередь — два десятка машин!

Узнав, зачем я приехал, таксист оживает: «Так у нас в Симферополе еще ничего ситуация! Давай я тебя до Алушты или до Бахчисарая довезу — там-

то вообще темно. 600 рублей сверху — и поедем».

Отказываюсь. Решаю попробовать передвигаться по Крыму общественным транспортом. На симферопольском автовокзале половина парковочных мест пустует.

— До Алушты, — протягиваю кассиру деньги.

— Через час только будет автобус.

— А до Бахчисарая?

— Через 20 минут.

Поездка в Бахчисарай, правда, заканчивается уже на выезде из Симферополя: длинная вереница авто стоит в очереди к одной из немногих работающих заправок (не работают почти 90% АЗС). «Остановите здесь, пожалуйста!» — кричу водителю. Он тормозит и открывает дверь.

AFP / EAST NEWS

начали протестовать против ликвидации последствий диверсии.

Прямая речь координатора торговой блокады Крыма, владельца телеканала АТР и гражданина РФ Ленура Ислямова:

«Это мог сделать кто угодно. Это могли сделать диверсанты, которые пришли из Крыма, или диверсанты, которые здесь находятся, или это могли сделать патриоты Украины. Это мог сделать кто угодно, но мы к этому отношения не имеем. Мы будем блокировать, потому что нам интересно участие в самом процессе блокировки, а не в процессе подрывов».

Бойцы Нацгвардии и батальона «Херсон», взявшие под охрану взорванные опоры, отказались применять силу и не стали мешать блокаде ремонтных работ ЛЭП. Поэтому максимум, что смогли сделать энергетики, — заземлить провода.

Уже утром в понедельник, 23 ноября, уполномоченный президента Украины по делам крымско-татарского народа Мустафа Джемилев сказал, что участники блокады допустят специалистов до разминирования и ремонта двух линий, которые снабжают Херсонскую область и связаны с Запорожской АЭС. Об ос-

тальном, дескать, не может быть и речи до освобождения украинских политических заключенных в РФ.

Дело в том, что повреждение ЛЭП поставило под угрозу отключений некоторые районы Херсонской и Николаевской областей. Также украинские энергетики были вынуждены провести аварийную разгрузку Южноукраинской и Запорожской АЭС. И тут тем, кто «никакого отношения к подрывам не имеет», пришлось серьезно задуматься о риске техногенной катастрофы.

Но главная цель уже была достигнута: Крым оказался в условиях энергетической блокады, официально необъявленной, но негласно одобренной украинским правительством и лично Петром Порошенко (ведь по сути акцию организовали депутаты от его партии — лидеры крымско-татарского движения).

Пока неизвестно, как долго продлится эта блокада. Вероятно, все будет зависеть от реакции Москвы.

Андрей САМБРОС — специально для «Новой», Крым

В очереди 27 автомобилей. Водитель синего «Форда» Геннадий рассказывает мне, что приезжает сюда уже второй день.

— Вчера заправил 55 литров и почти все слил в канистры. А что делать? Нужно запасаться.

В мини-маркете на заправке кассир Елена ругается:

— 95-го всего 400 литров осталось, будем, как соседи, сейчас — только дизельным топливом торговать.

— А сколько 92-го? — спрашиваю.

— 1100 литров. Соседняя заправка действительно торгует только дизельным топливом: бензин скупили еще к полудню. И поставки топлива на крымские заправки пока не ожидаются.

— Начальство сказала, что проблемы на переправе (Керченской. — И. Ж.), — говорит Елена. — Сегодня едва ли что-то привезут.

Читаю новости: «Керченская переправа работает в штатном режиме». Ни о каких сбоях официально не сообщается.

Во тьме

Севастополь, жители которого еще в воскресенье были отключены от света только на полчаса, в понедельник перешел на жесткий график экономии электричества. В городе четыре района и каждый по очереди получает электроэнергию на 3 часа.

Приезжаю в город к семи вечера. Единственное освещение в центре — фары проезжающих автомобилей и фонарики в руках пешеходов. Магазины не работают, светофоры тоже. Люди перебегают дорогу на свой страх и риск. В Гагаринском районе, ближе к окраине, движение минимальное.

— В 18 часов было побольше людей, когда с работы возвращались, — говорит Аслан, продавец единственной работающей на Юмашевском рынке палатки. — Сейчас уже полчаса, как ни одного покупателя. Буду собираться. Ночь наступила.

На часах не было и восьми вечера.

Иван ЖИЛИН, соб. корр. «Новой», Крым

ПРЯМАЯ РЕЧЬ

Официальный представитель МИД Германии Мартин Шефер выступил с заявлением, в котором назвал отключение Крыма от электроэнергии преступлением. «Мы ожидаем от соответствующих органов Украины, что электроснабжение Крыма будет восстановлено. Жители полуострова не должны быть втянуты в политический конфликт вокруг Крыма между Россией и Украиной».

СВЕТ МАЙДАНА

Народная вольница

В украинском обществе снова созрел запрос на резкие поступки

Форматы дипломатии, что лишь оттягивают решение на неопределенный срок, до поры, пока все успокоится либо выход найдет сама жизнь, больше можно не предлагать.

Вспомнила, как в первый, поздний и дождливый вечер Майдана, когда людей собралось достаточно для того, чтобы их возглавить или обратиться с речью, приехал Виталий Кличко. Возвышаясь на голову над остальными, Кличко, чей политический рост и образ тогда не исключали президентства, стал говорить очевидные вещи о неизбежности перемен, пока не споткнулся о вопрос: «У вас есть план?» Вопрос задала женщина, смотревшая на Кличко снизу вверх, отбросив капюшон. Кличко выдохнул и захрохотал дальше. Плана не было. Но признание выглядело бы слабостью лидеров «законной» оппозиции Януковичу. Женщина послушала еще немного и отошла в сторону. Чуть позже такие, как она, начали разбирать брусья на Грушевского.

К двухлетию «революции достоинства» очередная партия, созданная из битых экс-«регионалов», цинично назвалась «Воля народа», а представители свергнутого режима стали потихоньку возвращаться в телевизор: с критикой власти за войну на Донбассе, потерю Крыма, обнищание сограждан, далее по списку. Пока государственные институты выстраивали схему поведения с реваншистами и старыми-новыми коррупционерами, на вызов отреагировала улица.

Неизвестный активист побил в присутственном месте бывшего главу Харьковской облминистрации Добкина, наиболее рьяного сторонника «закручивания гаек» во времена Януковича. Прямо на заседании парламентского Антикоррупционного комитета известный деятель Майдана, ныне депутат Парасюк ударил ногой в голову начальника отдела СБУ, уличенного в контрабанде. Думаю, похожих эпизодов, проявлений индивидуально-террора как метода борьбы в условиях, когда власть тормозит с оценками и реакцией, на местах еще больше.

Блокада Крыма — также пример стихийной борьбы. Но уже не точечной, а с четким вектором, массовым участием и результатом.

Проблему полуострова, потерянного без вооруженного сопротивления, в Киеве внесли в разряд отложенных. Подразумевалось: Крым захочет назад сам, как только успехи Украины, интегрированной в Европу, станут

убедительными. Тем не менее возникло пусть тонкое, но принципиальное различие между беженцами с Донбасса и вынужденными переселенцами из Крыма. Первые уезжали, спасаясь прежде всего от смерти и разрухи, вторые — от нежелания терпеть попрание прав и человеческого достоинства. Значительная часть тех, кто покинул Донбасс, вырывала из себя малую родину с кровью. Не вернемся в места, славившие «русскую весну», даже когда перестанут стрелять! Вторые не мыслили жизни вне земли, что снилась нескольким поколениям в изгнании. Их воля — заставить государство ускорить события, если понадобится, то силой.

Лозунгом «Крым будет украинским или безлюдным!» в начале 90-х пугала обывателей одна радикально-националистическая организация, из которой торчали уши провокаторов старой школы КГБ. Нынешние националисты смотрели на жизнь реально и максимум что могли предложить — поддержку крымским татарам, когда в сентябре начали торговую блокаду полуострова. Президент Порошенко зафиксировал сложившееся положение вещей: гражданские активисты приближают возобновление суверенитета Украины над Крымом. Цель достигнута не была. Товарную блокаду обошли баржами по морю.

Это сделало неотвратимым следующий шаг тех, кто не имитировал решимость. В ночь на 20 ноября, близ КПП Чаплынка, что соединяет полуостров с материковой частью, неизвестные исполнили взорвали электроопоры, вывели из строя две из четырех линий электропередач, по которым в Крым поставляют электроэнергию. «Блэкаут в том числе нанесет урон армейским подразделениям, которые там сейчас в огромных количествах высаживаются. Потому что новые десантные полки формируются на территории Крыма», — цитировали СМИ Ленура Ислямова, координатора блокады. Ислямов диктовал оккупационной власти: наши требования — освобождение политзаключенных из крымских и московских тюрем, прекращение обысков и репрессий, разрешение на въезд в Крым лидерам крымских татар...

Слово, данное Петром Порошенко Мустафе Джемилеву и Рефату Чубарову — прекратите торговлю с Крымом, уже поддержало правительство и закрепил для верности новый взрыв. Опоры рухнули окончательно.

Ольга МУСАФИРОВА, соб. корр. «Новой», Киев

Взорванные опоры ЛЭП

AP / TACC

ГЕОГРАФИЯ ТЕРРОРА

Похоронки из Африки

Рядом с офисом компании «Волга—Днепр» в Ульяновске установлена табличка с именами убитых в Мали летчиков

Шестеро россиян стали жертвами террористической атаки в Бамако — столице африканского государства Мали. Пятеро погибших — из Ульяновска, один — из Нижнего Новгорода.

По официальному сообщению пресс-службы авиакомпании «Волга—Днепр», 18-19 ноября самолет Ан-124-100 «Руслан» выполнял рейс по доставке строительной техники из Осло (Норвегия) в Бамако (Мали). По окончании рейса 12 сотрудников компании отдыхали в отеле Radisson Blu, куда 20 ноября около 7 часов утра по местному времени ворвались вооруженные боевики группировки «Аль-Мурабитун», которые взяли в заложники около 170 постояльцев отеля. В ходе спасательной операции шестеро членов экипажа были освобождены. Еще трое членов экипажа находились во время теракта на территории аэропорта. По разным источникам, в ходе теракта погибли от 19 до 21 человека из разных стран.

По словам представителя МИД РФ Марии Захаровой, погибшие россияне «были расстреляны боевиками в помещении ресторана буквально в первые моменты террористической атаки». По сообщению телеканала «Евроньюс», группировка «Аль-Мурабитун», которая взяла на себя ответственность за нападение, аффилирована с «Аль-Каидой» и в свое время отказалась от связей с ИГИЛ (обе организации запрещены в России). Тем не менее «Исламское государство» тоже взяло на себя ответственность за теракт, а в отеле Radisson Blu был найден флаг этой террористической группировки.

21 ноября при содействии посольства РФ в Мали было проведено опознание и подтверждена гибель 6 членов экипажа компании «Волга—Днепр».

Это авиатехник по эксплуатации летательных аппаратов и двигателей Станислав Думанский, 1973 г.р.; бортрадиостанционер Владимир Кудряшов, 1975 г.р.; бортиженер Константин Преображенский, 1959 г.р.; лоуд-мастер Сергей Юрасов, 1963 г.р.; авиатехник Павел Кудрявцев, 1988 г.р.; штурман Александр Кононенко, 1963 г.р. (житель Нижнего Новгорода).

На ограде рядом с офисом компании «Волга—Днепр» в Ульяновске установлена табличка с именами погибших, там образовалось поклонное место, куда ульяновцы с субботы несут цветы и свечи.

Тела погибших предполагается доставить в Ульяновск к концу текущей недели. Авиакомпания сообщает, что родственникам убитых оказывается помощь, с ними работают психологи. Региональное правительство берет на себя организацию похорон. По словам начальника главного управления труда, занятости и социального благополучия Ульяновской области Екатерины Смороды, семьи погибших получают по 1 млн рублей, эти деньги будут перечислены в течение недели.

В воскресенье, 22 ноября, 9 членов экипажа «Руслана», включая шестерых спасенных в ходе операции спецназа по освобождению заложников, прилетели в Ульяновск.

В знак скорби и солидарности с семьями погибших многие пользователи Facebook из Ульяновска размещают вместо своих фотографий логотип компании «Волга—Днепр». Блогеры пишут, что для города эта трагедия сравнима с парижской, и обращают внимание на геополитический характер событий в Бамако.

Сергей ГОГИН —
специально для «Новой»,
Ульяновск
Фото Марии КОСТЯЕВОЙ

Дитя на ветру

В российских зонах — 52 тысячи женщин, имеющих малолетних детей

Света не видела маму 8 лет, Свете 12. А маме 28. Светина мама сидит в тюрьме, а Света живет в детском доме, там же живет ее младший брат, ему 9. Но он не смог приехать — заболел, и его не пустили.

Света очень красивая — в маму. Стоит на ветру, а он мерзкий, влажный, с комьями грязи и снега, он как-то сразу пробивает до костей, и негде укрыться — так бывает на новых кладбищах и на зонах. Света стоит шесть часов, почти не шелохнется. Не просит попить, не спросит, где туалет. Чуть улыбается — похоже, что по привычке. Скорее всего, она очень устала — проехала полстраны в плацкарте в сопровождении социального педагога из детдома, потом на перекладных добиралась сюда, на край географии. Но виду не подает, вообще скупа на эмоции, чуть оживилась, только когда я стала ей показывать, что у нее в новом рюкзаке, который ей «Русь Сидящая» собрала на зону, на три дня к маме, книжки, игры, можно с мамой поиграть. Подошла педагог: ей нужно увидеть, какие игры. Внимательно посмотрела, одобрила.

Педагог Галина Александровна в шоке: она впервые приехала с сопровождением ребенка к маме в колонию. У Галины Александровны побелевшие губы, она еще до конца не понимает, что ей предстоит пройти, но начинает догадываться. Наша задача — сделать так, чтобы Галина Александровна согласилась приехать сюда еще хоть разок. А лучше несколько раз, еще и с мальчиком, братом Светы. Боженька, если ты есть, сделай так, чтобы она согласилась, ну что тебе стоит? А уж мы Галину Александровну везде встретим и проводим, ручки будем целовать и почетную грамоту выпишем, а также благодарность руководству.

Кроме нас здесь еще три семьи с маленькими детьми, все приехали на длительные свидания. Мы приехали в самом начале рабочего дня, не задерживаясь нигде на чаепития, обеды и завтраки — Галина Александровна явно не из тех, кто будет завтракать за чужой счет, а со своим счетом у нее со всей очевидностью не густо. Да мы и не настаивали, понимая, что можем не успеть пройти очередь, и тогда все пропало — Света не увидит маму, мама не увидит Свету. Гоню от себя мысль, что в таком случае мама Светы может на себя и руки наложить.

А как можно не успеть пройти очередь, если впереди еще 6 часов до того, как флажок упадет, и перестанут запускать на свидания? Да очень просто. Вот будет у кого-то в зоне плохое настроение или вдруг начальство черт принесет — и все, разворачивайся.

Всего три семьи вместе с нами, но у всех по десятку неподъемных баулов, все надо досмотреть, да еще машины грузовые в зону заезжают, и смена отвлекается осмотреть грузовики. Все вместе стоим, сбились в кучку, взрослые тихо обсуждают дубаков — то есть младший персонал. Обсуждают недобро, ведь нет у них жалости ни к кому — ни к детям этим на морозе, ни к мамашам в зоне.

Вышла подполковница в ватных пятнистых штанах, смотрит недобро: «Все баулы таскаете своим воровайкам,

все таскаете... А ведь интернет-магазин есть, и нечего таскать-то! У меня сотрудники голодные сидят, а они все таскают!» Ох, к чему это она? И чего у нее сотрудники-то голодные? Беда, беда.

А как баулы не таскать? В том интернет-магазине нет ничего, один доширак да сгущенка втрисорога. А тут дети на свидание длительное приехали, им три дня есть-пить надо? Да и мамочек подкормить не помешало бы, что им с той баланды? Вот мама нашей Светы — ни одной передачи еще с воли не получала, работает на промке в две смены, 300% выработки дает, а все зачем? А чтобы карточки телефонные в лавке колонии купить и детям звонить в детдом раз в три дня, чтобы мать не забывали, уж она вернется — жизнь за них положит, мама нам попалась хлопотунья, хорошая мать. Она же еще умудряется в тюремной лавке им гостинчики покупать и в детдом отсылать. Как умудряется — ума не приложу. Но раз в месяц отсылает, поди ж ты.

А педагог Галина Александровна еще не подозревает, что будет дальше, когда их, наконец, пропустят за забор. Мы донесем ей до проходной неподъемные баулы, а потом она сама, душенька наша, да с девочкой-волосом-перешибешь попытается их донести до КДС (комнаты длительных свиданий), и никто не поднимется ей с сумками помочь, никто, ни один мужик. Они при деле — сторожат баб. И девочка Света 12 лет все это наблюдает и выпитывает, все шесть часов, и не одна она, а еще шестеро деток, как тут у нас-то. В хамстве, разгильдяйстве, в пренебрежении и немотивированной ненависти. И формируется же мысль: они нам враги, мы враги им. Потом на уроках расскажут, что все люди братья, но опыт будет говорить о врагах, которые вцепятся тебе в горло и разотрут, если ты не успеешь вцепиться первым. А кто эти злые люди в пятнистой форме? Представители государства. Прилагающие много усилий для воспитания ненависти.

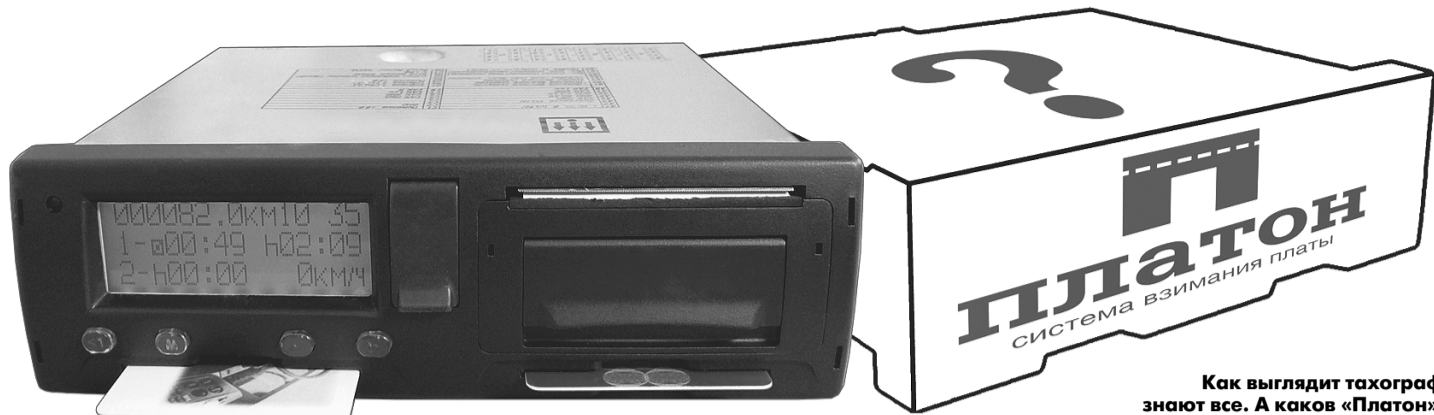
52 тысячи женщин, имеющих малолетних детей, сидят сейчас в зонах. «Русь Сидящую» нашла одна очень хорошая барышня, которая сделала вместе с мамой Светы два года и видела, как она бьется за деток. Барышня принесла нам документы, фотографии, списались с детдомом, провели большую спецоперацию, встретив по дороге много хороших людей, которые стремились помочь. И все как один говорили: только не надо нас благодарить, только не называйте имена и географические точки, ведь всем влетит, головы снимут. Делаем ли мы что-то незаконное? Нет. Делаем ли что-то плохое? Нет. А крадемся, аки тать в ночи. Чтобы молодая и вовсе не потерянная для общества женщина смогла увидеть своих детей. Просто обнять. Впервые за восемь лет.

...И над КДС, и во всех приемных — этой да и многих других женских зон — висит парадный портрет защитника всех детей Павла Астахова. Каждая из таких матерей начинает с того, что пишет ему. Наверное, он может помочь легко, гордо и открыто, и даже Первый канал покажет парадный сюжет в программе «Время». Не знаю, почему он этого не делает. Наверное, некогда.

Юлия
ЛАТЫНИНА
обозреватель
«Новой»

С 17 ноября в России действует система «Платон», которая должна отслеживать путь дальнотойщика и взимать с него за это деньги согласно тарифу. Стоимость проезда по федеральным дорогам была установлена в 1,53 руб. за 1 км пути; с 1 марта 2016 года — 3,06 руб. за 1 км пути. Штраф в случае неоплаченного проезда — 40 тыс. руб. для индивидуального предпринимателя и 450 тыс. руб. для компании. В случае рецидива это 50 тыс. руб. и 1 млн руб. Здесь будет нелишне напомнить, что абсолютное большинство российских дальнотойщиков — частники, и 40–60 тыс. руб. — это нередко их месячный доход.

Как выглядит тахограф, знают все. А каков «Платон»?

Система «Новочеркасск»

«Платон» дублирует уже установленные на грузовиках приборы, заставляя дважды платить за одно и то же

Работает система «Платон» так: сначала надо зарегистрироваться, отправив сканы всех соответствующих документов (ИНН, свидетельство о регистрации ИЧП, паспорт, техпаспорт), и обзавестись банковским счетом. Потом — оплачивать поездки. Делать это можно либо с помощью установленного в машине трекера, который отслеживает путь водителя через ГЛОНАСС и автоматически списывает деньги со счета, либо с помощью маршрутной карты, которую нужно получить, зайдя на сайт и оплатив маршрут, который водителю предложит система.

Все в этой истории невероятно.

Первое невероятное в ней то, что Российское государство отдало налоги на откуп. Во всем мире налоги собирает государство. На откуп частникам налоги отдавались довольно давно — в Римской империи или во Франции при Людовике XIV.

Но именно это произошло с налогом на дальнотойщиков. Его взимает частная компания «РТ-инвест Транспортные системы», которая на 50% принадлежит сыну Ротенберга, экс-тренеру Путина по дзюдо.

История о том, как «РТ-инвест» получила дальнотойщиков на откуп — это отдельная песня. Сначала заявили, что разработка системы взимания денег с дальнотойщиков — вопрос национальной безопасности. Разработку без конкурса отдали «РТ-инвесту». А потом половину «РТ-инвест» продали сыну Ротенберга.

Тут, заметим, абсурдна сама постановка вопроса. С какой стороны разработка программ и оборудования для взимания налога связана с деятельностью по его взиманию? Налоги всегда взимает государство. Правильно ли я понимаю, что если компания г-на Ротенберга разработает (естественно, без конкурса, в целях нацбезопасности) программное обеспечение по расчету налога на прибыль, она будет также взимать налог на прибыль? Из расчета три четверти государству, остальное — Ротенбергу?

Второе невероятное обстоятельство заключается в том, что два года назад всех российских водителей заставили установить на грузовиках тахографы. Тахограф делает ровно то же, что должен делать «Платон». Он отслеживает машину с помощью ГЛОНАСС. Установка тахографов была совершенно бессмысленная операция по стрижке дальнотойщиков. Дело в том, что по соображениям национальной безопасности, бла-бла-бла, тахографы, конечно, должны быть отечественные.

В результате тахограф сейчас с установкой стоит 50 тысяч рублей. Недавно я покупала нормальный навигатор, он обошелся мне в 5 тысяч рублей. Обязанности навигатора тахограф, кстати, не выполняет. Он выполняет только одну обязанность: обеспечивает в административном порядке спрос на ГЛОНАСС.

При этом, естественно, очередной побор, ибо тахограф — это побор и позор, сопровождался массой дополнительных административных унижений. К примеру, сейчас в России нельзя нанять водителя на работу без персональной карты водителя тахографа. Дело не в том, что эта карта стоит 2–3,5 тысячи рублей, а в том, что подать пакет документов, ходатайство от работодателя и прочее нужно в одну из фирмочек, которая работает с тахографами, — это большой бизнес сейчас по всей России.

После этого водитель и его наниматель ждут от трех до пяти недель — все карты делает одна уполномоченная государством контора в Москве. Карточка

по итогам их показаний оплатит налог в любом терминале?

Но и это еще не все. Чтобы пользоваться «Платоном», надо или установить дополнительный трекер (не тахограф, но выполняет ровно те же функции, что тахограф). Среди шоферов, с которыми я поговорила, трекера этого никто не видел. Сколько он будет стоить и когда его можно будет добыть — неизвестно.

При отсутствии трекера разработчики чудо-программы «Платон» (все ради национальной безопасности) предлагают оплачивать маршрутную карту.

Дальше начинаются чудеса. При регистрации система виснет. Но когда и если все-таки «отвисает», то не только списывает деньги, но и выдает маршрут. Маршруты программа, по жалобам дальнотойщиков, берет с потолка и запросто может отправить круголями — на 200–300 км длиннее. Скорее всего, программа просто плохо написана.

Но шаг вправо — шаг влево считается побегом: проезд по другому маршруту влетит за собой штраф в 40 тысяч рублей.

«Знаете, сколько этот «Платон» принесет компании Ротенберга? 10 млрд руб. в год — по нынешним временам меньше 150 млн долларов»

действительна только на несколько лет. И только для тахографа данного образца: то есть на грузовик с другим тахографом водитель пересечь не может.

Это классический пример того, что можно назвать коррупционным демультипликатором: наше государство даже не может содрать с водителя 50 тысяч рублей, не причинив ему и экономике ущерб в несколько раз больше.

А теперь вопрос на засыпку: в России есть тахографы. Их заставили поставить на все, что весит больше 3,5 тонны и имеет более 8 посадочных мест. Ради них забрали по 50 тысяч рублей у трудяг, которые зарабатывают в месяц по 50 тысяч рублей, и еще заставили их месяц-другой не работать в ожидании карточки, которую изготавливает важная контора в Москве.

Так почему же не использовать эти тахографы в качестве датчиков «Платона»? Почему же не разработать элементарную программу, чтобы «Платон» следил за грузовиками через тахографы, а водители могли — раз в месяц или полгода —

Это как если бы обладатели газовых колонок, прежде чем помыть руки или сварить яйцо, обязаны зайти на сайт, оплатить включение газовой колонки и указать, для чего они ее будут включать: за варку яйца — один прайс, а за мытье рук в ванной — другой, а если человек передумал и решил еще и голову вымыть, то извините: горячую воду выключат — и штраф.

Согласитесь, ситуация абсурдная: просе пользоваться газовой колонкой, а потом оплачивать показания счетчика. Вопрос: как же разработчики в-целях-национальной-безопасности «Платона» не додумались это учесть? Каким местом они думали? Учитывая, что газовая колонка, то есть тахограф, десятикратно переоцененная, уже на грузовике стоит?

Ну и закончим вишенкой на торте. Знаете, сколько этот «Платон» принесет компании Ротенберга? 10 млрд руб. в год — по нынешним временам меньше 150 млн долларов.

Мы же с вами понимаем, что для Ротенбергов это смешные деньги. Семечки. И ради этих семечек поставили на уши

несколько сот тысяч российских дальнотойщиков.

Дальнотойщики — это идеальный рынок. Львиная доля дальнотойщиков в России — частники. Люди, которые пахнут, как звери. Которые работают сами. У государства ничего не просят.

Кризис ударил по ним со страшной силой. В некоторых случаях тарифы на перевозку упали в 3 раза — с 36 руб. за 1 км до 11–12 руб. за 1 км. Сначала были тахографы, потом кризис, потом — система «Платон». Система «Платон» сломала спину верблюда. В Тюмени, например, 70% фур сейчас стоят. Забастовка.

Во многих регионах собираются идти на Москву, и я должна сказать, что если это произойдет, это будет первая в моей жизни пробка, в которой я буду стоять без раздражения. И гордиться моим народом. Потому что есть пределы всему.

Нельзя отдавать налоги на откуп.

Нельзя откупщикам писать такие программы, которые не работают.

Нельзя во время кризиса брать с работы и за тахограф, и за «Платон», и штрафовать его на 40 тысяч за то, что умельцы из ради-национальной-безопасности слепили на коленке такую программу, которая путает Пермь с Тюменью.

А г-ну Ротенбергу я советую переименовать систему «Платон» в «Новочеркасск». Ну помните, был такой город, в котором одновременно по просьбе трудящихся урезали расценки на заводе и подняли цены на продовольствие.

Хотя одна заслуга у системы «Платон» есть. Российские дальнотойщики — это не люмпен, который хлещет пивасик у телевизора. Это несколько сот тысяч людей, которым каждый рубль достается дорогой ценой. И каждый раз, когда человека облагают налогом с кровно заработанного им рубля, человек очень внимательно смотрит, куда этот налог идет.

Сейчас каждый российский дальнотойщик знает, что этот рубль идет откупщику. Частной компании сына товарища Ротенберга («бывшего спарринг-партнера президента по дзюдо»).

И еще (спасибо депутату Евгению Федорову!) каждый российский дальнотойщик услышал, что если он пытается против этого протестовать — то он «пятая колонна»...

P.S. Тем временем стало известно, что 8 миллиардов рублей, которые «РТ-Инвест» потеряет из-за снижения тарифа под влиянием протестов, будут компенсированы из федерального бюджета.

Шесть с лишним лет назад на федеральной трассе «Дон» была убита семья командира нижегородского СОБРа Дмитрия Чудакова. Это жестокое преступление (убит спецназовец, зверски убиты маленькие дети) вызвало большой резонанс. Председатель Следственного комитета назвал поиск убийц «делом чести» и взял расследование на личный контроль. Однако с самого начала следствие пошло по ложному пути и стало искать не убийц, а стрелочников.

Все эти годы «Новая газета» проводила свое расследование обстоятельств гибели Чудаковых. Мы встречались со следователями и операми, консультировались с экспертами, баллистами, криминалистами и медиками. Искали свидетелей, опрашивали понятых, разговаривали с потерпевшими и обвиняемым Алексеем Серенко, на которого пытались повесить это преступление. Уже тогда мы говорили, что следствие катастрофически ошиблось в выборе основной версии убийства Чудаковых.

Следственный комитет крайне остро реагировал на каждую публикацию газеты и агрессивно защищал свою официальную версию, не желая воспринимать ни-

какие контраргументы. Именно по этой причине первая попытка раскрыть это дело стала самым грандиозным провалом в истории Следственного комитета.

В 2011 году Генеральная прокуратура отказалась утверждать обвинительное заключение по Серенко, выжив в этом деле огромное количество фальсификаций. Дело вернули на доследование, Серенко выпустили из СИЗО (он отсидел предельные для следствия 18 месяцев). С тех пор дело мирно загибалось, хотя расследованием руководили исключительно генералы юстиции из так называемого спецотряда «суперследователей» при Бастрыкине.

Сегодня СКР предпринимает вторую попытку. К сожалению, по нашему мнению, она еще менее убедительна, чем предыдущая. Год назад спикер СКР Владимир Маркин пообещал нам организовать интервью с руководителем следствия по делу Чудаковых генералом Ущеповским. Также пообещал предоставить материалы уголовного дела, чтобы мы убедились в доказательности позиции следствия. И то, и другое, к сожалению, осталось обещаниями.

Следствие закончилось. Журналистов до материалов уголовного дела так и не допустили. С ними толком

не ознакомили даже потерпевших и адвокатов. Но самое главное! По большому счету, уголовное дело не представили даже Генеральной прокуратуре и суду. В нарушение 154-й статьи УПК РФ на утверждение в Генпрокуратуру поступили не подлинники процессуальных документов, а незаверенные и часто даже нечитаемые (!) ксерокопии материалов уголовного дела. И только тех материалов, которые подтверждают версию следствия. А доказательства, ставящие под сомнение или прямо опровергающие версию следствия, в это уголовное дело вообще не попали. Даже в виде ксерокопий.

Мы впервые столкнулись с такой отчаянной попыткой любой ценой спасти «честь мундира» и поставить галочку в деле об убийстве Чудакова. Но цена этой галочки — велика. Настоящие убийцы семьи командира спецназа остаются на свободе.

Расследование «Новой газеты» подробно описывает логику и ход следствия на протяжении всех этих лет. Это страшное убийство стоит такого подробного, длинного рассказа. Наше расследование доказывает: все эти годы настоящие преступники были совсем рядом со следствием. И найти их — можно...

УБИЙЦЫ ГДЕ-ТО РЯДОМ

В предыдущем номере: через сутки после убийства Чудаковых дело безосновательно объединили в «серию» с двумя нераскрытыми ростовскими убийствами. Это была идея местных оперов и следователей, так как Москва ростовские «висяки» не изучала. Если бы изучила, то поняла: все убийства совершены по разным мотивам и разными преступниками. Таким образом, следствие было направлено по ложному пути и стало искать не убийц Чудакова, а несуществующего «серийного преступника». Кто направил по этому пути следствие? Те, кто имел доступ к месту преступления. То есть или сами преступники, или те, кто прибыл на место убийства первыми после убийц. Первыми об убийстве Чудаковых узнали местные аксайские опера. Они бесконтрольно находились на месте преступления три часа. В это время с места преступления пропадает важнейший вещдок — барсетка с документами Чудакова

Продолжение.

Начало в номере от 23.11.2015

Загадочный вещдок

Барсетка с документами красной нитью проходит через все уголовное дело Чудаковых. Судьба ее загадочна. Она то появляется, то исчезает.

Полицейский Нариманидзе точно видел барсетку с документами на месте преступления (он указывает, что она находилась между водительским и передним пассажирским сиденьями — это важно). Спустя три часа понятые эту барсетку уже не зафиксировали. Она исчезла. А через неделю после убийства Чудаковых ее подкинули недалеко от места преступления. Подброшенную барсетку с документами нашел водитель КАМАЗа Удовитченко, возивший щебень для ремонта трассы «Дон». Сразу же позвонил по 02, его перенаправили в дежурную часть ОМВД Аксайского района. Удовитченко продиктовал дежурному данные владельцев документов и перечислил найденные вещи (служебное удостоверение сотрудника правоохранительных органов Дмитрия Чудакова, паспорта, свидетельства о рождении детей, связка ключей с брелоком, на котором был выбит номер воинской части). Ожидая полицию, Удовитченко также позвонил своему начальнику предупредить, что со вторым рейсом (в день он успевал сделать из-за пробок только два рейса) задержится, так как нашел документы «тех самых убитых Чудаковых» (из объяснений начальника Удовитченко Гришко).

Удовитченко ждал долго, но обязательно в таких случаях выезда следственно-оперативной группы так и не дождался. Более того, его сообщение в ОМВД Аксайского района дежурный даже не зарегистрировал. А когда Удовитченко повторно позвонил дежурному, потому что больше ждать не мог, ему было сказано оставить барсетку с документами у барменши

соседнего кафе. Сотрудница кафе и ее муж этот факт подтверждают. Как и то, что документы вместе с барсеткой забрали из кафе не установленные до сих пор сотрудники правоохранительных органов. Протокол изъятия с перечислением и описанием в присутствии понятных найденных документов и вещей при этом не оформлялся. Ни бардаком, ни пофигизмом такое крайне странное поведение аксайской полиции объяснить вообще-то нельзя.

Все, что произошло с документами Чудаковых дальше, — крайне важно для понимания: кто манипулировал следствием по этому делу.

17 июля в Ростов прибыл командированный Быстрыкиным следователь по особо важным делам Владимир Павлов. Он только что переехал из Волгограда в Москву, и дело Чудаковых было тем экзаменом, от успеха которого зависела его дальнейшая московская карьера. В помощь Павлову была создана временная группа оперативного сопровождения, которую возглавил начальник оперативно-разыскной части № 1 управления уголовного розыска ГУВД по Ростовской области Олег Колтунов. Без Олега Колтунова и местных оперов следователь Павлов, плохо ориентировавшийся в ростовской действительности, не смог бы справиться с глобальной задачей: и версию Бастрыкина сохранить, и дело раскрыть. И понять это следователю Павлову дали буквально сразу, как он прибыл в Ростов. Местные опера принесли Павлову барсетку с документами Чудакова и рассказали, при каких обстоятельствах она была найдена. У следователя, который даже не приступил к ознакомлению с материалами дела, появилась дополнительная уверенность в официальной версии: преступник — явно из местных жителей, раз он дважды за неделю проезжает по трассе «Дон», более того, подкинул документы недалеко от места преступления. Ничего крамольного в таком предположении нет. Оно вполне логично. Более того, возможно именно для того, чтобы у следователя

появилась такая уверенность, барсетку на самом деле и подкинули.

Последовавшие действия Павлова тоже логичны, вот только удивительны с точки зрения закона. Следователь Павлов был обязан допросить Удовитченко, его начальника, сотрудницу кафе, ее мужа, дежурного Аксайского ОМВД и т.д. То есть Павлов был обязан зафиксировать факт по меньшей мере халатного отношения сотрудников местной полиции к своим должностным обязанностям. И, таким образом, поссориться с местными операми, без помощи которых он рисковал остаться один на один с нераскрытым делом о «ростовской серии».

Поэтому вместо допросов свидетелей в деле Чудаковых появился... явно переделанный протокол осмотра места происшествия от 8 июля 2009 года. Точнее, в протоколе были переделаны всего два листа. Полагаю, их явно изготовили заново, впечатав сведения о документах Чудаковых. Получалось, таким образом, что документы якобы были найдены в ходе осмотра места происшествия 8 июля 2009 года. Хотя на самом деле их нашел водитель КАМАЗа Удовитченко.

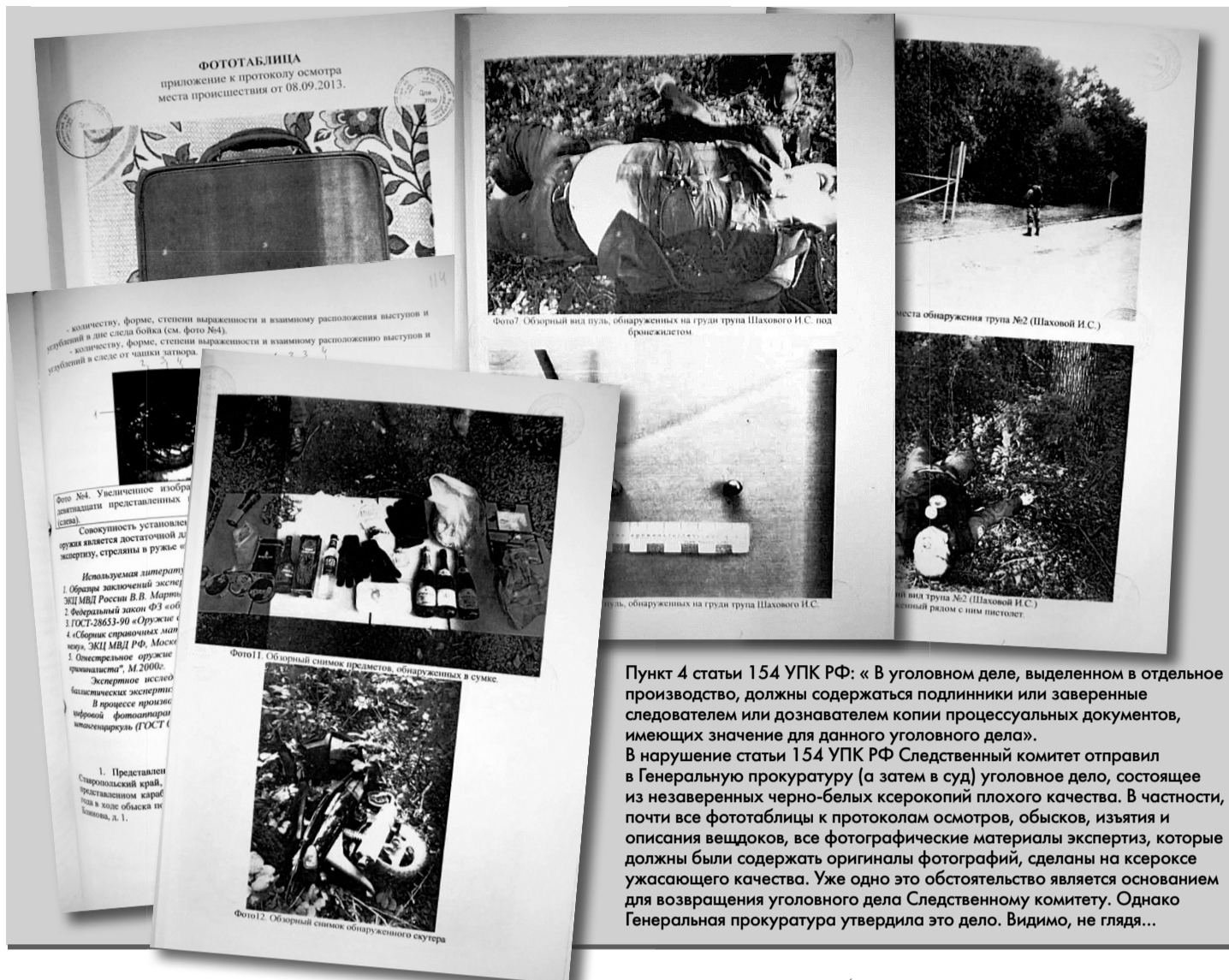
Эти две страницы протокола отличаются от всех остальных листов. Они напечатаны замеченным шрифтом и через меньший межстрочный интервал. Более того, подписи понятых на этих страницах перепутаны местами и, по заявлению понятых, им не принадлежат. По непонятной причине в переписанный протокол не были внесены свидетельства о рождении Александра и Вероники Чудаковых. Я полагаю, причина банальна. Полный перечень вещдоков из барсетки просто не уместился на этих листах, которые обязательно надо было состыковать с последующими листами протокола осмотра. Поэтому свидетельства о рождении Александра и Вероники Чудаковых опера просто возвратили родственникам без всякой расписки, что является грубейшим нарушением.

И, наконец, главное. Из найденных водителем КАМАЗа Удовитченко и оказавшихся в распоряжении следственной группы вещей убитых Чудаковых бесследно пропали два вещдока: сама барсетка и служебное удостоверение Дмитрия Чудакова. Они не значатся в протоколе осмотра места происшествия. Родственникам их также не вернули.

Я предположу, что барсетку и удостоверение должны были найти у кандидата в убийцы Чудаковых. Лишнее доказательство, тем более такое «убойное», следствию явно бы не помешало. Следователь Павлов не мог не знать, что служебное удостоверение Чудакова находится в распоряжении оперативных сотрудников полиции, и, полагаю, прекрасно понимал, как могут его использовать. Но расследование дела о «ростовской серии» пошло не совсем так, как планировалось. Следствие столкнулось с серьезным сопротивлением обвиняемого, его адвокатов и... матери спецназовца, признанной по делу потерпевшей. Подкидывать «убойный» вещдок в таких обстоятельствах было рискованно. В конце концов следователь пообещал Валентине Алексеевне (в присутствии адвоката) вернуть документы сына после окончания следствия. Но вскоре потерпевшая и следствие схлестнулись так, что о служебном удостоверении Дмитрия Чудакова на какое-то время все забыли.

Хозяин «Сайги»

Первый раз Следственный комитет России объявил о раскрытии «ростовской серии» в сентябре 2009 года, через два месяца после убийства Чудаковых. Обвинение было предъявлено жителю г. Аксай Алексею Серенко. Очень довольный собой следователь Павлов объяснил мне логику следствия, увенчавшегося столь быстрым успехом. Если Бастрыкин объединил преступления, значит, убивал один и тот же человек, из одного и того же ружья — «Сайга»-410. Преступник не оставил на месте преступления гильзы. Значит,

Пункт 4 статьи 154 УПК РФ: « В уголовном деле, выделенном в отдельное производство, должны содержаться подлинники или заверенные следователем или дознавателем копии процессуальных документов, имеющих значение для данного уголовного дела.

В нарушение статьи 154 УПК РФ Следственный комитет отправил в Генеральную прокуратуру (а затем в суд) уголовное дело, состоящее из незаверенных черно-белых ксерокопий плохого качества. В частности, почти все фототаблицы к протоколам осмотров, обысков, изъятия и описания вещдоков, все фотографические материалы экспертиз, которые должны были содержать оригиналы фотографий, сделаны на ксероксе ужасающего качества. Уже одно это обстоятельство является основанием для возвращения уголовного дела Следственному комитету. Однако Генеральная прокуратура утвердила это дело. Видимо, не глядя...

« Алексей Серенко выбрали на роль преступника вовсе не из-за его карабина «Сайга», который он спокойно отдал на идентификацию. Настоящую идентификацию на самом деле проходили вовсе не ружья, а их хозяева

боялся идентификации оружия. Кто может бояться? Тот, у кого ружье — легальное и кого можно проверить. Следовательно, убийца — кто-то из местных...

Действительно. Сразу после убийства Чудаковых всех местных охотников обязали сдать «Сайгу» на экспертизу. Идентифицировать гладкоствольное охотничье ружье на самом деле очень сложно. В отличие от нарезного оружия гладкоствол не оставляет следов. На то он и ГЛАДКИЙ. Мирская (и российская в том числе) баллистика способна идентифицировать гладкоствол по гильзам (но их, как мы помним, на месте преступления не обнаружили), также наработана практика идентификации охотничьих обрезов (именно потому, что сделанные кустарным способом края обреза оставляют следы на картежи). В данном же случае следствие поставило перед экспертами невыполнимую с точки зрения науки задачу: идентифицировать гладкоствольное ружье по несуществующим следам, которые к тому же надо было найти на полимерных (то есть пластиковых), оплавленных в результате воздействия выстрела пыжах-контейнерах.

С этой невероятной задачей блестяще справился сотрудник экспертного криминалистического центра (ЭКЦ) Минюста РФ Александр Косенков. Он провел исследование и установил, что именно из «Сайги» Алексея Серенко были убиты Чудаковы, а также все жертвы ростовских нападений, объединенных Бастрыкиным в «серию».

У экспертиз Косенкова, однако, был существенный недостаток: в них, по сути, отсутствовала исследовательская часть, и поэтому проверить выводы Косенкова было в принципе невозможно. Это — грубейшее нарушение закона об экспертной деятельности, но, когда на него указали адвокаты Серенко, следствие провело еще четыре экспертизы в ЭКЦ Минюста и ЭКЦ МВД. Все комиссионные экспертизы подтвердили выводы экспер-

та Косенкова: именно ружье Алексея Серенко использовалось во всех эпизодах «ростовской серии». Оставим этот факт на совести экспертов, среди которых, кстати, были довольно известные баллисты.

На самом деле Алексея Серенко выбрали на роль преступника вовсе не из-за его карабина «Сайга», который он спокойно отдал на идентификацию и даже не пытался дать деру. Из немалого количества изъятых у ростовских охотников ружей следствие направило на экспертизу всего 20 карабинов. Почему? А потому, что настоящую идентификацию на самом деле проходили вовсе не ружья, а их хозяева. Каждый хозяин «Сайги» проверялся на предмет алиби (по всем эпизодам «ростовской серии»). Только в тех случаях, когда алиби было под сомнением, карабины отправлялись на экспертизу. То есть через баллистическую экспертизу прошли только ружья тех, кого следствие уже считало кандидатами в убийцы. Самым подходящим кандидатом местные опера сочли именно Алексея Серенко — блатного, если не сказать, полукриминального вышибалу с рынка, без связей, без семьи и без алиби. Когда был найден идеальный кандидат в убийцы, подогнать выводы баллистической экспертизы оказалось делом техники. Но именно экспертиза Косенкова стала официальным основанием для задержания Алексея Серенко. Его взяли под стражу, и уже через пару дней спикер СКР Владимир Маркин на всю страну объявил о том, что убийство семьи спецназовца Чудакова раскрыто.

Карточный домик

Если бы Владимир Маркин ознакомился с материалами уголовного дела, он бы не попал впросак со своим заявлением. Потому что все усилия следствия свелись не к реконструкции и расследованию обстоятельств убийства Чудаковых (и других преступлений из «ростовской серии»), а к доказыванию вины Серенко. И мешали ее доказывать даже не опытные адвокаты

(тут ростовские опера сильно просчитались — друзья оперативно нашли Серенко очень сильных защитников). Следствию мешали сами убийства, соединенные Бастрыкиным в «серию». «Серия» начала сыпаться как карточный домик.

На месте преступления по эпизоду убийства Кулькова и Кристи был найден пыж-контейнер 12-го калибра, тогда как орудие убийства, по версии следствия, — «Сайга» 410-го калибра.

А в эпизоде с нападением на жителей Ростова Сазонова и Васильеву: оставшаяся в живых потерпевшая Васильева дала показания, что убийц было двое — мужчина и женщина. Из ее показаний следовало, что мотивом нападения могла быть месть (ревность). А характерные следы на картежи свидетельствовали о том, что преступники могли использовать охотничий обрез (у Серенко — полноценный карабин «Сайга»).

... На месте обнаружения убитых Чудаковых были найдены вообще-то 7 пыжей: пять действительно от патронов 10-го калибра и два — от патронов для дробовика-мелкашки. Происхождение двух последних пыжей следствие вообще никак не объясняет. Но, учитывая тот факт, что Веронике Чудаковой наносили удары несколькими ножами, а, по версии следствия, убийство совершил один человек, получалась следующая картина: Серенко сначала выстрелил в Чудаковых из «Сайги», потом из дробовика, потом схватился за нож, потом... еще за один нож?..

В общем, факты никак не хотели стыковаться с официальной версией следствия о «серийном грабителе-одиночке», вооруженном «Сайгой» 410-го калибра.

Ситуация осложнялась тем, что операм так и не удалось получить от Серенко признательные показания. Адвокаты смогли донести до своего клиента простую мысль: шанс есть только при условии, что в деле не будет «явки с повинной». Иначе — пожизненное заключение, которое вытекало из тяжести обвинения, ему гарантировано. Казавшийся поначалу легкой добычей, Серенко сумел выдержать и психологическое давление, и пытки.

... Тут бы на самом деле остановиться, задуматься и начать расследовать убийства Чудаковых с правильного конца. То есть с самого начала. К сожалению, официальная версия была для Павлова в буквальном смысле канонической. И, когда надо было принимать решение, следователь — лицо, законом наделенное абсолютной процессуальной независимостью, решил... не спорить с Бастрыкиным.

Как «царицей доказательств» стала гильза

Операция по спасению «ростовской версии» началась с проститутки, которую опера подогнали (точнее, к сожалению, не скажешь) по эпизоду Сазонов—Васильева. Именно этот эпизод крайне важно было закрепить за Серенко, чтобы «серия» окончательно не распалась.

Так основным свидетелем и стала дважды судимая Еретина. Из ее показаний следовало, что она чуть ли не очевидец нападения. Она уверенно опознала Серенко и очень подробно описала его пособника (вплоть до сросшихся на переносице бровей). Еретину прогнали через «полиграф», детектор лжи подтвердил: проститутка не врет, а, значит, врут Серенко и потерпевшая по этому эпизоду Васильева. (Она осталась живой, но в результате выстрела ее парализовало.)

Я разговаривала с «пособником» с бровями — другом Алексея Серенко — Давидом Гевеняном. Я встречалась с девушкой Алексея, с его родственниками, со всеми его знакомыми. Более запуганных полицией людей я, если честно, видела только в Чечне. Кандидатов в пособники опера искали не только среди живых, но и среди мертвых. Следствие на полном серьезе решило эксгумировать погибших в ДТП приятелей Алексея. Надо сказать, на жителей маленького Аксая это произвело сильное впечатление.

Но Аксай все-таки не Чечня, и за действием последовало противодействие. Город стал сопротивляться ментовскому беспределу. Люди начали выходить на акции протеста. Акции были скромными и вполне миролюбивыми (например, местные автомобилисты устроили пробег в поддержку Серенко). Для освещения этого дела брат Серенко создал сайт, который неожиданно стал очень популярным. На этом сайте все незаконные действия оперативных сотрудников полиции получали не менее оперативное освещение, прямо назывались их фамилии и должности. Впервые стала озвучиваться версия об их прямой незаинтересованности в раскрытии дела Чудаковых. Таким образом, анонимной безнаказанности ментов была противопоставлена пусть сетевая, но публичность (профессиональные СМИ освещали это дело мало и в основном под чутким руководством Следственного комитета России). Именно неожиданное сопротивление Аксая не позволило в тот момент найти подходящую жертву на роль пособника Серенко. Дело в отношении «неустановленного лица», с которым, по версии следствия, обвиняемый совершил нападение на Сазонова—Васильеву, было на время приостановлено. Возобновить поиски «пособника» планировалось после приговора Серенко, а пока решили действовать проверенным способом.

... Два года спустя после нападения на Сазонова и Васильеву следователь Павлов неожиданно решил провести повторный осмотр места происшествия. Неожиданно удачно. В ходе осмотра была найдена... гильза, совершенно точно стрелянная из «Сайги» Алексея Серенко.

Эта отстрелянная задним числом и подброшенная на место преступления гильза — очень важна. Во-первых, это прямое доказательство свободного доступа и бесконтрольного обращения оперативных сотрудников с вещественными доказательствами по уголовному делу. Во-вторых, это тот самый фирменный «почерк» преступников, который в июле 2009-го убедил Бастрыкина в существовании «ростовской серии».

Вот только оказалось, что это «почерк» не убийц, а... опера.

Елена МИЛАШИНА, «Новая»

Продолжение следует

Фамилия губернатора Пермского края Виктора Басаргина вновь оказалась в эпицентре громкого скандала, который на этот раз грозит стать последним в его карьере. Конфликт главы Прикамья с местными активистами ОНФ вышел в публичную плоскость и уже принял федеральный характер. Страсти накалились настолько, что «фронтвики» даже пообещали применить крайние меры — то есть довести ситуацию до самого президента Владимира Путина.

Обвинения звучат серьезные — как утверждают активисты ОНФ, руководство региона якобы оказывало давление на пермский ОНФ и пыталось вмешиваться в его работу. Учитывая шаткое положение губернатора (которому за три года не удалось ни заручиться поддержкой местных элит, ни добиться значимых успехов в регионе), конфликт с пропрезидентским движением может дорого ему обойтись.

Огонь на подавление

Басаргин прославился в Пермском крае в первую очередь жестокими зачистками несогласных с его правлением. Он начал применять административный ресурс, избавляясь от неподконтрольных ему мэров городов и других неугодных лиц. С подачи губернатора был отправлен в отставку мэр Краснокамска Юрий Чететкин, а также глава Кудымкара Анатолий Голубков. Оба проводили независимую политику, к чему Басаргин явно не привык.

К концу третьего года в крае губернатор сумел худо-бедно примириться с Заксобранием и городской думой и поставил под контроль администрации почти все местные СМИ. В результате критиков у Басаргина практически не осталось.

Аналогично повел себя губернатор и с пермским Общероссийским народным фронтом (ОНФ), где недавно были выбраны два новых сопредседателя. Ими стали помощник проректора по учебной работе Пермского государственного национально-исследовательского университета Елена Шлыкова и руководитель группы компаний «Налоги и право» Геннадий Сандырев. Администрации же Басаргина выгодно было видеть в кресле сопредседателя ОНФ Зою Галайду, которая лояльна к губернатору.

В итоге, по утверждению активистов ОНФ, пермские власти попытались сначала противодействовать их выборам, а когда не получилось, активистам начались звонки и беседы с настоятельными рекомендациями «написать по собственному».

«Конечная цель — сделать так, чтобы по всей стране все общественники ходили строем. Так считает ряд руководителей субъектов, которые пытаются нас строить под себя, — говорит сопредседатель ОНФ, депутат Госдумы Ольга Тимофеева. — Не работать в компромиссе, не слышать нас, не исправлять ситуацию, а построить и, мягко говоря, заткнуть».

Конфликт с ОНФ может стать последним вздохом карьеры главы Пермского края Виктора Басаргина

По всем фронтам...

Валерий ШАРИФУЛИН / ТАСС

Однако здесь губернатор серьезно переоценил свои силы. В отличие от беззащитных мэров малых городов ОНФ поднял скандал, обратившись в Генпрокуратуру с жалобой на вмешательство пермских властей в работу общественных объединений.

Скажи мне, кто твой друг

Но зачем же руководству региона пытаться мешать движению, выполняющему президентскую повестку? Пытаться протащить своего человека, идти на опасный конфликт?

Формально Басаргин как бы сам по себе — он один из немногих беспартийных губернаторов в России. Например, у него сразу не задалась отношения с местной «Единой Россией», которая открыто конфликтовала с главой Прикамья в том же Законодательном собрании. И это странно — ведь единороссы (как, впрочем, и ОНФ) работают на исполнение поручений президента и правительства.

Кроме того, в наследство от своего предшественника Олега Чиркунова Басаргин получил галериста Марата Гельмана, отличавшегося в глазах «консервативного большинства», скажем так, политической неблагонадежностью. В рамках гельмановского проекта «Пермь — культурная столица» в городе то и дело проходили довольно спорные выставки.

«Храмы из клизм, бюстгалтеры в виде куполов, видеоработы за гранью эротики — все эти скандальные экспозиции (организованные при этом на бюджетные деньги) случились еще до прихода Басаргина. К моменту его вступления в должность все ожидали, что уж новый глава Прикамья избавится от скомпрометировавшего себя галериста», — поясняет нам Алексей, один из местных журналистов. «Эстетика Марата пришла в резкое противоречие с народными представлениями о роли искусства и церкви в наше идеологизированное время», — продолжает Алексей не без сочувствия.

Однако новый губернатор продлил контракт с Гельманом еще на два года. Спорное современное искусство расцвело в Перми еще более бурным цветом, при моральной и финансовой поддержке губернатора. На этом фоне «случилось страшное»: галерист в 2013 году привез в Пермь работы красноярского художника Василия Слонова.

Провокационная выставка «Сочи-2014» — с матрешкой-гранатой, Чебурашкой в виде монстра, Сталиным в костюме официального символа Олимпиады — наделала много шума. В итоге Гельмана после разразившегося на всю Россию скандала все-таки попросили из Перми, но на его детище — музей современного искусства PERMM — из регионального бюджета продолжает выделяться более 50 млн рублей ежегодно.

«Художники могут многое: приколачивать свои яйца, например. Но вряд ли за бюджетные деньги...» — продолжает наш собеседник.

Причины и последствия

У главы Прикамья были и объективные причины пытаться подчинить себе местный «Народный фронт». На сегодняшний день Басаргин занимает последнее место в рейтинге эффективности губернаторов, и любая капля может переполнить чашу терпения Кремля. В отличие от местной прессы фронтвики (по крайней мере те, что были избраны) молчать о проблемах Пермского края не станут — а значит, создают угрозу для «дожития» Басаргина до конца губернаторского срока.

Однако нельзя исключать и фактор личной политической неприязни. Ведь вмешательство в дела общественной организации является прямым нарушением закона.

Как бы там ни было, «фронтвики», похоже, готовы идти в этом конфликте до конца.

И они получили поддержку: «Мы не будем мириться с тем, что определенные должностные лица вмешиваются в работу президентского движения, и на самой ближайшей встрече доложим об этом лидеру нашего движения — президенту России Владимиру Путину», — заявил сопредседатель Центрального штаба ОНФ Александр Бречалов.

В прикамском ОНФ надеются на поддержку своего лидера. «Тем более что бывшего зама Басаргина в Минрегионразвития посадили за хищение бюджетных средств», — аргументируют они свою позицию.

Владимир ТЕМНОВ,
Прикамье—Москва

Елена
КОСТЮЧЕНКО,

«Новая»

— Сколько ему лет-то, господи? Тридцать лет. Он на три года меня младше. Он, как отслужил, пришел домой... В каком году... Примерно, щас-щас-щас. Получается, они пошли служить в восьмом году. С восьмого года он служит. Сколько это получается? Восьмой год. Я все забываю. Ну так это на нервной почве отразилось, я все стала забывать. Не помню, куда я шла, что делала.

Бывает, что случайно находишь человека. Бывает, просто знаешь, где спросить. Их телефоны передали из Комитета солдатских матерей — с секретного ящика на секретный ящик. Два телефона, две семьи. В одной отказались разговаривать: «Нам этого не надо, это не изменит ничего. И мы не понимаем, зачем это надо вам».

Я сама не понимала. Но каждый раз, когда шли обстрелы, когда города переходили из рук в руки, а в штабе самопровозглашенной ДНР сообщали о новых погибших, я думала: где их родители, где их близкие? Что с ними? Что они думают об этой войне? Это мы их не слышим — или они молчат? Если молчат — почему? Что дает это молчание? Мы-то ждали взрыва, крика, женщин в черном перед военкоматами, ждали, что горе снимет грифы «секретно», но тишина продолжалась.

Я еду к ней, к этой второй женщине. Она согласилась разговаривать. Маршрутка между городами, 200 метров вдоль трассы, 200 метров по неосвещенной улице. На доме — фонарь.

Оксана — красивая женщина с тяжелым телом, с неровной стрижкой на седых, чуть-чуть покрашенных волосах. Ей 33, и я удивляюсь, что ей 33.

Она кормит меня рыбой и наливает чай.

Она не плачет.

Брат

— Мать у меня на дойке работала, бабушка далеко живет, деда нет, ну и ко мне он свалился. Я помню. Мне было три с половиной года — мать его принесла и положила на кровать в одеялке. Развернула — «Это ваш брат». И с тех пор мы ни разу не расставались.

Вот бывает: близнецы рождаются — и друг от друга никуда, вот и мы также. Мы с ним все делили, абсолютно все. У меня первый раз месячные пришли — я ему рассказала. Правильно это, неправильно — у нас были чересчур доверительные отношения, чересчур.

Он в детстве был такой тихий. Ему один кубик дай — он будет его рассматривать и заснет. Где Костя, где? А он уже спит с кубиком в углу.

Вечно сядет рядом: ну почеси мне спинку, ну почеси. Я говорю: да отстань, что ли! Ну, начала спину чесать. Бах, уже упал на колени, башкой машет — начинаешь ему башку чесать, а он лежит, прется аж прям. Я ему: кот Васька яйца лижет, а ты слюнки подбираешь. «Ну, сестра!» Да отстань, что ли, от меня!

Он учился в училище. Плотник, хотя у него руки из жопы растут. Он работать не умел абсолютно, ни хрена ни сделать, ни построить. Если сбил скворечник — скворцы пугались. Попросила его елку подрубить — снес половину елки... Рубит, рубит, ну ты хоть где-то остановись, елка-красавица, огрызок остался, все никак он

Сестра солдата

Рассказ женщины, потерявшей брата на «неизвестной войне». Кого винить — его или Родину? Кого любить — его или ее?

Петр Саруханов — «Новая»

не мог подровнять концы. Господи... Костя, вынеси елку: он окно открыл, выкинул в окно. Костя, че ж в окно? «Да ладно, подберут». Что ж ты ее с треногой-то выкинул, треногу-то покупали! Ха...

Он вообще красавец. Он из нас самый симпатичный, самый красивый. За ним толпы бегали. Он женился на казашке, дочка очень красивая, метиска, похожа на него. Все, что осталось.

Мы ставки делали, кто у Кости родится — мальчик или девочка. Он девочку почему-то хотел. «Ни фига, у меня девчонка!» Мы ставки делали на пацана. Родилась у него девчонка. Оторва. Он даже жениться второй раз не собирался: «Я умру, пусть все ей достанется». Он говорил: «Она у меня замуж будет выходить в туфлях, а туфли будут сверкать камнями».

Очень много книг читал. В основном историческое, религиозное. Масоны всякие. Говорил, есть всего три человека, которые управляют этим миром. Один живет в

Великобритании... А больше всего его интересовала история, откуда Русь пошла.

Потом он пошел в армию в 2001-м. Приехал домой, пошел учиться в мореходку на судоводителя. Учился, а тут соседка эта, казашка, по задам стала ходить в гости по вечерам. На чай с кофе. Ну и так доходила, что оказалась в втором месяце беременности. Ну и все. Родили, женились, свадьба, в шатре играли, да, такая свадьба веселая была. У меня фотографии даже есть. Весело до ужаса было, моего мужика даже в баньку повели, чуть не изменил, падла. Ну, падла! Мордобой, веселье. И все, потом он бросил учиться, Сашка его родилась, он пошел работать. Пошел работать он на рыбу — сезонная работа была, на тоне¹ работал. Потом пошел в военную часть работать в охрану, охранником. Потом я родила Лешку. Два месяца было Лешке, когда мой муж, брат мужа и Костя засобирались по конт-

ракту. Это был 2008 год, май месяц. Они спаковали сумки и чухнули на фиг отсюда. В Чечню. А тогда туда только и брали. Мой вернулся, а Костя так и остался служить. Он с женой развелся уже. А что, смысл ему здесь делать?

Я могу про него говорить бесконечно. Это не хватит ни ночи, ни дня, ничего.

Армия

Вот как про Костю могло бы быть написано в каком-нибудь мартирологе по итогам этой безумной войны (если он когда-нибудь будет издан, этот мартиролог): «Сержант Константин К. — контрактник, служил в армии с 2008 года. Перед отпуском (июль 2014-го) прошел учения и заключил новый контракт на трехлетний срок. Командир вызвал Константина из отпуска на проверку в части. Через 21 день Константин погиб.

¹Рыбачья изба на отмели.

← СТРАНИЦА 11

Семье было озвучено две противоположные причины: погиб от осколка снаряда, перелетевшего через российско-украинскую границу, или погиб на учениях в результате несчастного случая».

— Он был не пригоден к армии служить. По ряду причин. Во-первых, у него правая рука перерезана вся, сухожилия, то бишь он не мог стрелять абсолютно. У него были атрофированы все пальцы. Он сигарету держал в пальцах, фильтр горит, он не чувствует, а уже горят руки. Большой палец вообще не действовал. Он ложку в кулаке держал. В детстве у него перерезана ладонь была. Врачи зашили просто так, ни связки, ни нервы — ничего не было подключено. Как он мог стрелять с автомата? Он просто не попадал. Это ж надо чувствовать палец, чувствовать курок. Ну как он пойдет убивать-стрелять кого-то, если он курок не чувствует? Так бы себе и яйца отстрелил бы. Поэтому, скорее всего, и стал санинспектором, где в принципе нет оружия. Ну, как бы нет такой задачи боевой, где стрелять — а надо, наоборот, вытаскивать раненых, в медсанчасти работа, таблетки, за лекарствами следить — что некасаемо оружия.

Он не прошел комиссию в нашем военкомате, но прошел в другом. Как я понимаю, за деньги.

Он любил служить, чего сделаешь с человеком? Он такой. Вот пишут гадости: «За деньги поехал». А у него ничего нет своего: ни дома, ни машины. У него даже прав не было.

У него одно было: как там его пацаны. «Семья» — он их называл. «Семья, семья, братья мои, братья», весь разговор. Реально все эти, блин, армейские будни. Армия! Сядешь за стол с ним — одна армия. Живет он там. Сам сержант, на офицера учиться и не хотел: «Мне этого не надо».

Он говорил: «Мне ничего не надо. Меня армия оденет, обуеет, накормит».

В Чечне ему дали «ветеранку». Удостоверение ветерана боевых действий. Как раз вторая кампания шла.

Вообще всю службу, и срочную тоже, проходил на Кавказе. Северная Осетия — то одна часть, то другая, то третья. Первый раз прервал контракт, уехал, потому что попал в такое место, где в основном были одни осетинцы и было такое отношение хамское к русским. Долго он здесь не послонялся, чуть-чуть, и опять пошел по контракту. Он вообще приезжал — шух-шух-шух, все. Отрывался, по кафешкам, с девчонками по банкам. (Смеется.) Здесь спиться можно. Спиться, сколоться. Он с местными ребятами язык-то общий не находил.

Смерть

Дом Оксаны кирпичный, с веселыми синими ставнями. Глухой забор. Внутри — сплошь ковры и диваны, шторы до самого пола. Деревенский шик. Хотя сам дом очень маленький, две комнатки. На диванах спят вповалку. В красном углу — телевизор.

Мы сидим практически в коридоре. Маленький стол, скамейка. Разговор начинается в присутствии мужа Оксаны — огромного, накачанного мужчины. Он говорит отрывисто. Он видит опасность во мне. Но начинает кричать на Оксану. Кричит: «Да никто тебе военный билет не даст! При любых действиях тебе документы не даются! На тебе только остается жетон и все! Чтоб тебя потом нашли и опознали по жетону! И при боевых действиях... он железный, чтоб можно было опознать цифры!» Кричит: «Кто тебе чего будет показывать?!» Кричит: «Это боевые дивизии! Из-за этого и зарплата хорошая. Нас тоже предупреждали, что вы будете принимать непосредственное участие в боевых действиях! Костя тоже знал!» Кричит: «Каждый там служит из-за квартиры, из-за того, что на пенсию раньше уйдет, из-за льгот. Он что, разорвет контракт? У него выслуга лет уже была, человек надеется, что получит квартиру, дослужит свой контракт и уйдет с армии. И все надеются, что все будет нор-

Сестра солдата

*У него была мысль
в последние недели...
Он говорил: «Я умру,
вы за меня получите офигенные деньги.
У вас жизнь вся наладится»*

мально! И это же реально — люди получали квартиры, сертификаты».

Но потом уходит спать: здесь встают рано, высыпаться — важно. Рядом с Оксаной присаживается дочка подруги — крохотная девочка, осталась ночевать. Сама подруга заходит и выходит, пьет пиво, молчит.

Оксана листает фотографии брата на телефоне. Проверяет мою реакцию — нравится ли? Костя действительно красив — хищной, беспечной красотой. И совсем не похож на поседевшую Оксану.

— Перед тем отпуском они в пустыне проходили учения. Он говорил: пить хочется, воды нету, сидим здесь, как дураки. Сказал, что подписал контракт еще один. Перед отпуском. На три года.

Отпуск у него длинный, 45 суток. Отгулял половину. В 20-х числах июля командир звонил. Говорит: с Москвы приезжает проверка, и надо быть всем в части. По идее, по-правильному, он мог вообще туда не поехать. Потому что письменного не было указа приехать ему туда.

Я уже 26 июля знала, что он на Украину поедет. Он так загадками говорил... «Едем на юго-запад... На юго-восток. Грузим колонны, технику и уезжаем». А потом уже сказал, что на границе с Украиной, что юго-восток — Украины. «Да ничё, все нормально, все нормально!»

8 августа я с ним разговаривала. Он торопился чего-то: привет, люблю, целую, ля-ля, все, я побежал, побежал, мне надо бежать.

Когда Костя погибал в ту ночь, я все на себе прочувствовала. Всю боль и ад. У меня все болело, все. Никто не мог помочь. Все тело горело огнем, как будто его просто разрывали на куски. Ночью муж меня возил в больницу, уколы покупал, колол. Я потом только поняла, дни посчитала.

15 августа у моего младшего сына день рождения. Костя не позвонил, не поздравил.

12 августа он погиб. А 18-го сообщили.

Военком пришел к родителям домой. Мне соседка позвонила от родителей. Родители не были в том состоянии, чтобы...

Я в городе была, возилась на базе с товаром. Я прям там же и... ушла в небытие. Но не обморочное было состояние, нет, к сожалению.

Отец говорит, у военкома в руках был лист... список. Людей и адресов. Значит, где-то еще здесь есть, в нашем районе. Потом узнали, что в Красный Яр тоже привезли. Нашего — 22 августа, а им — 28-го. Там мальчишка, младше Кости, 26 лет.

Пока ждали, что привезут гроб, я вся поседела. У меня башка вся седая. Абсолютно вся. Гроб везли четыре дня.

Вот так вот стекло черное — окошечко на цинке. Оно закопченное, и стой стороны чуть-чуть было затерто. И я все смотрела. Очертания как будто головы. И венки еще в деревянном ящике лежал. Отец со злости весь этот ящик разбил и сжег. Рубил его топором.

Сопровождающий не представился, не сказал свою часть. «Я Александр, привез вашего сына... брата... Я сам ничего не знаю, я сам пришел только с отпуска». Я кричу: «Отпуск — где?!» — «Им вообще, — говорит, — никто не хотел заниматься. Транспортировать. Он стоял там и стоял на Военведе»¹. Ну спасибо тебе за это!

Он его лично не видел, как его складывали или чего... «Я приехал 15-го числа — гроб уже стоял заколоченный. Запаянный в цинк». С ним были солдаты, сопровождающие, и вроде бы они же его и опознавали. «Это он». Мать ни в какую не дала вскрыть гроб, хотя мы настаивали, мы с мужем вдво-

¹1602-й окружной военной госпиталь в районе Военвед Ростова-на-Дону. На территории госпиталя есть Центр приема и отправки погибших и трупохранилище на 400 мест.

ем лично настаивали на том, чтобы вскрыть. Потому что всякое бывает. Мы надеялись все-таки на чудо, но чудо, как говорится, не свершилось.

Хоть кусочек бы показали — я б его узнала. Кусок спины, щеки, как у него волосы растут, где растут, где у него какой шрам, где у него родинка — все помню. Да, надо было вскрывать. Мать была против, она сказала... криком кричала. Ну, вот с одной стороны, может, и правильно. Я его... Он у меня стоит в глазах живой, здоровый, красивый, тело у него красивое, не порванное, не изодранное. И не хотелось бы мне его видеть в уродливом состоянии, я бы вообще чокнулась.

К Саше этому, сопровождающему, на похоронах подходила. Тоже молчит. Я уже в истерике. А он взмахнул рукой.

журналистам Би-би-си, надеюсь, что они смогут узнать больше. В тот же день на съемочную группу было совершено нападение: оператор и два журналиста были избиты неизвестными. Когда журналисты писали заявления в полицию, жесткий диск компьютера и карты памяти, оставшиеся в их машине, были отформатированы. Журналисты заявили, что у них есть копия материалов. Сюжет, где Оксана в черном платке на пороге дома рассказывает о брате, вышел в эфир, но британские журналисты, вопреки обещанию, не связались с Оксаной и ее семьей — и не сообщили, что им стало известно об обстоятельствах смерти Константина.

— Осенью начали нам звонить офицеры. Я уже без памяти была, имена не фикси-

в вашу милицию пообщаться. Продержали там полчаса, наверное, и отпустили. Журналист, бедолага, блин. Почекушили его немножко, побили. Ну, бандиты напали. И стерли специально материал. Он золотой был или стоил очень много денег. (Смеется.) Бывают такие бандиты.... А с Би-би-си обещали прислать мне материал, который они снимут. Показать, что они еще нашли. Потому что это меня тоже интересовало и интересует до сих пор.

Почему я... его фотографию взяла и написала в «Одноклассниках»: «Вечная память тебе, братишка мой». Не для того, чтобы пропиарить, какой у меня шикарный брат. Смысл был в другом. Я думала, что кто-то из его сослуживцев мне напишет. Чтобы найти, с кем он служил, с кем он жил в последнее время... Некоторые в комментариях писали там: «Вместе в учебке были...», «мой брат с ним служил». Но это с прежних контрактов. Потом в интернете выставили статью про него, отметили меня там. И понеслось, там такой понос. А некоторые пишут соболезнования, вообще неизвестные даже мне. Я искала! Смотрела по этим комментариям. Может, там хоть напишет кто-то! Единственный, кто мне ответил, был парень один, но он с ним до этого служил, во втором контракте. «Таких людей побольше», — писал. Еще один с ним тоже служил, тоже в каком-то контракте, но не в последнем, сейчас в Астрахани живет. Я написала ему свой номер телефона, он мне позвонил. «У меня там есть друзья, я позвоню, я узнаю, в чем причина, как он и где погиб». И тишина. Все, пропал без вести. Я звоню — а трубку никто не берет. Но тут, может, палка о двух концах. Может быть, блокируют вызов к нему, может быть, он также звонит, а не может дозвониться?

Где его друзья, «братья», «семья»? Рядом лежат, что ли? Тот, который приезжал, сказал, что все стерло, кто были в той машине, очень дружили.

Деньги

Пять миллионов, которые получила семья Константина, — стандартная выплата семьям военнослужащих, погибших при исполнении обязанностей. Размеры выплат были радикально увеличены в 2010 году. Сейчас единовременное пособие составляет 3 миллиона, 2 миллиона — страховая выплата.

— Все село было на похоронах. Которые знали и не знали, все были здесь, и не только с нашего села, люди ехали. Очень много. Я помню, шла через эту толпу, а мне все деньги суют, суют. У нас же дают деньги... Господи, я не могу, сбежать бы от этих людей. А я иду через этот проход, как дура, с этими деньгами. Не знаю, то ли с ума сойти, то ли... Ужас какой-то, ой, не хочу, даже вспоминать не могу!

Военком должен был какую-то речь толкнуть, что-то сказать... Но он молчал. Шептал: «Очень жаль. Очень жаль. Ничего не могу сказать».

Первое время ты не знаешь, куда тебе идти, чего добиваться, чего вообще надо добиться — не знаешь. С чего начать вообще жить дальше. Ну вот как вот дальше жить? К кому обращаться? Придешь в военкомат — тебе говорят: «Пока ничего не известно, ничего нет, дела личного нет...» — идите лесом. «Военком уехал в Москву, его нет».

Мы с мужем приехали в Комитет солдатских матерей. Там познакомились с С. Почему поехали? Мы не понимали сами, где какие концы искать. Мы приехали, С. говорит: заявление напишите. Мы написали. С. говорит: «Я дам твой номер журналистам, чтоб звонили, спрашивали, чтоб создать эту шумиху, чтоб помогли нам потом».

И начали нас дергать со всех сторон. Еще он мне звонил: «Я написал в прокуратуру». Зачем? Я не понимала этого. Почему он пишет в какие-то прокуратуры? Чего ты там ищешь? Документы Костины собирал военкомат, говорили, что ждали его личное дело, пока придет. Как только

Костино личное дело пришло, так все понеслось, засуетилось. Там деньги, тут вот эти страховки выслали, документы пришли, справки для дочери.

В принципе я не считаю, что это очень было долго. В августе 23-го мы его похоронили. А в октябре уже пришли деньги. Вот сейчас родители оформили уже все льготы, уже получают эту пенсию.

Чем нам С. помог? Тем, что он прислал адвоката, который запросил полмиллиона за то, чтобы решить все проблемы наши? Приехал, со Ставрополя, что ли, этот адвокат. У родителей ночевал. Он так и сказал: полмиллиона. «Сейчас 150 тысяч, остальные — после окончания всего, когда я выйду вам деньги». А деньги пришли все сами. Не надо было ни от кого ничего выбивать. А нам прислали этого адвоката, который захотел полмиллиона. Я считаю, что на чужом горе такие вещи, как делать?

В октябре личное дело пришло. Ничего собирать не надо было, родители как заявление написали, расчетные счета указали. И все. Страховка родителям и дочери. Наградили, не забыли, молодцы, конечно. Президент выплатил, и страховка пришла, частично пришла, половина. Первая пришла, а вторая — с документами чего-то напутали, отправили не туда. Сказали, что придет. В принципе, все выплатили в основном. Там остался миллион, что ли? По миллиону каждому выплатить. Дочери, родителям.

За год до Украины... Он поехал в госпиталь — я вместе с ним была, он решил операцию делать. Я не знаю, что он говорил с врачом, как описали его случай, — он сказал: поехали-ка домой. Я говорю: а что? «Да, — говорит, — видишь: глаз красный, наркоз нельзя давать». Может, онкология была? Мы же не знаем точно. Я знаю только одно: у него были такие страшнейшие боли. Он кричал криком. Может быть, я просто так думаю, как я помню, — может быть, он решил так, чтобы не мучиться... Ему кололи морфий. Он говорил: я чувствую боль и все. Это уже нехороший знак.

Может, он знал, что оттуда не придет. Может быть, когда его добровольно пригласили людей вывозить из-под обстрела, — может быть, он знал, что там, понимал. У него была мысль в последние недели... Он говорил: «Я умру, вы за меня получите офигенные деньги. У вас жизнь вся наладится». У меня такая беда была... Ай, сейчас даже смешно говорить «беда». Он сказал: не переживай, все твои проблемы решим.

Судя из этих слов моих, вот думай, какой это был человек. За деньги он пошел или что.

Знаешь, когда деньги выплатили, сколько у людей зависти было. Типа родители строить начали. Ну как они решили: раз выплатили эти деньги — построить дом на все. Потому что Костя хотел квартиру для дочери заработать. И они там строят — для внуков. А люди так завидуют, так! Я просто не могу вообще, вообще ужас: «А-а-а, деньги, деньги!» Какие деньги, люди? Заберите деньги, верните только его.

Зависть... «Благодаря вот Косте, — говорят, — они живут». Что ж мы, последний хер без соли доедали, пока эти деньги не выплатили? Мы же жили как-то до этого. Не умирали же с голоду, строились, делали, лепили... Да будь оно все проклято. Ну а чё, вот получили родители деньги, им их выкинуть или раздать пойти? Люди жестокие, конечно, очень жестокие.

...Я встаю очень рано — база-шмаза, туда-сюда. Даже выходные, даже Новый год — я не отдыхаю. У меня вообще нет отдыха, вообще ни в чем... Меня даже девочки стригут по углам, прямо на складе. Продукты... Это страшно, это мучительно, это изнурительно — а куда деваться. Мне надо поднимать детей. Как ни крути, мне никто не придет и не принесет. Не на кого мне больше рассчитывать. Пока Костя был живой, он мне помогал, потому что любой бизнес — тяжелый бизнес, потому что нужны и бабки, и все. Ну ничего, после праздников третий магазин открываем.

У них тоже был выбор — идти, не идти. Это же его не ножом сзади тыкали, когда он туда шел. Он мог расторгнуть контракт. Он мог сбежать.

Значит, это патриотизм? Да?

Спокойный. Потом с рюмкой водки подходит помянуть моего брата. Он, конечно, ни в чем не виноват. Но я говорю: не подходи ко мне. Потому что я не могу. (Шепотом.) Я все понимаю, что виноват не он, я все... понимаю. Но я говорю: не подходи ко мне. Потому что не говорит мне ничего, что было. Может быть, он реально ничего не знал, кто его знает? Может, знал, может, не знал.

У этого Саши, когда он привез гроб, в руках были документы. Я у него с рук их и вырвала. Стала листать. Военный билет должен быть всегда при человеке. Он абсолютно целенький! Ну если бы билет был там при нем, он был бы хотя бы в крови, обожженный... Если у него ранения такие были, если билет в карманах лежал, он бы был... Вот! С чего у меня самое первое было подозрение, что у него не было при себе военного билета. Я вырвала и нюхала, и все... да ничем там!

Как похоронили — Саша военник сразу отобрал. Забрал у родителей. «Билет нужен в части, чтобы оформить документы». Он билет вообще с рук особо не выпускал. Дал, чтобы снять ксерокопии, и все, в карман положил.

К военнику жетон был примотан на скотч... Я его оттуда выдрала сразу. Единственное забрать. Я взяла его себе. Потому что Костя его носил. Сразу догадалась вырвать!

Справка о ранениях есть, ксерокопия. Там же номер части указан. Какие ранения. Вследствие взрыва... Множественные осколочные ранения головы, брюшной полости, кровопотеря, несовместимая с жизнью... Частично обгоревшее тело. Справку забирают в ЗАГСе. Для погребения забирают оригинал. Но я сняла ксерокопию. Дала себя.

Где вообще его личные вещи? Ничего. Ни планшета. Ни телефона, ни вещей каких-то.

Тайна

Оксана пыталась найти информацию через социальные сети. Просматривала все комментарии под статьями о гибели российских солдат, в том числе оскорбительные, — искала намек, что кто-то знает подробности гибели брата. Дала интервью

рвала. Офицер какой-то, майор какой-то, подполковник. «Семья не будет забыта, будет помощь, будет все. Не забудем. Поможем». Командир, который Костю типа на проверку вызывал, говорил родителям по телефону: «Я лично хотел увидеть родителей Кости, чтобы лично сказать спасибо, за то, что они сына...» (Молчит.)

Военком объявил, что убило осколком снаряда, прилетевшим с украинской стороны. Ты сам-то веришь в эти слова, которые мне говоришь? Нет? Тогда почему ты их мне говоришь? А вторую версию, что погиб на учениях, сказал какой-то лейтенант по телефону. Но как можно погибнуть на учениях? Сколько у него за службу этих полигонов было?

...Звонок. Я не помню его фамилию. Он представился. Я на него в запале это все вылила, вылила на него все свое. Он мне сказал: «Неофициально подтверждаю. Он защищал рубежи своей родины». Они мне сказали: «Неофициально мы это признаем, официально — никогда не подтвердим».

А после Костиного дня рождения этот парень приехал. В октябре. Его направили или в отпуске был. Лишнего он нам ничего не говорил. Он ровно пять минут стоял. В общих чертах все сказал... и уехал. Мол, шесть человек добровольно поехали вывозить женщин, детей оттуда. В машине была сольерка. Снаряд попал, и взорвалось там. Три бочки с сольеркой, что ли, еще стояли. Никаких контактов своих не оставил. Ни кто он, ни откуда он. Ни где произошло. Ничего абсолютно. Сказал про Костю, типа, настоящий мужик. Они вместе служили, вместе жили — в одной палатке. Он сказал, что командир собирает документы и хочет его представить к награде «Герой России». Он сказал: «Его представляют к награде Героя России».

Но кто-то, наверное, не подписал. Из военкомата нас вызвали 23 февраля. Орден Мужества — это вторая награда после «Героя России». Вообще, если живые люди получают такие награды — там пенсия хорошая идет, льготы, знаешь? Потому что это серьезная награда. «За самоотверженность», «за пожертвование»...

Фээсбэшники отца забрали после моего интервью. Иностранному государству, Великобритании, дала я интервью. (Усмехается.) Просто сказали: проедемте

← СТРАНИЦЫ 11, 12–13

Я как зомби хожу. Мне 33 года, а я выгляжу на все 45 лет. Устала я уже от всего. А куда деваться? Бросить не могу — брошу, а как они будут жить? Кто их будет кормить, одевать, обувать. Село! Это не город, где столько возможностей — пошел, работу нашел. Да сейчас даже в городах — те, кто раньше был на коне, сейчас ко мне просят на работу работать. А раньше на иномарках ездили. Жизнь, знаешь, всяко поворачивает, любой стороной.

А сейчас я просто хочу покоя для себя, для семьи, даже для него, Кости, — чтобы его не трогали. Все это говно — видеть неохота, слышать неохота. И людей этих слышать неохота, которые завидуют этим деньгам. Ничего я не хочу уже. Честно, по большому счету я уже хочу, чтобы его оставили в покое. Не драли, не трепали, ни в интернете, нигде. Все. Чтобы он спал спокойным сном, и никто его не трогал.

Но мне бы хотелось, чтобы моим братом, его именем и фамилией назвали бы улицу, раз считают его героем. В школе на памятнике выбили бы его имя. Он же с этого села погиб. Погиб. Чтобы увековечить, не просто так — погиб и погиб. Так, чтобы знали.

Вот сейчас даже нет его — а для меня он где-то служит. Мне легче так. Я настроилась на мысль, что он где-то служит. И номера телефона не дали его. И он позвонить не может.

Родина

Эту часть нашего разговора я считаю самой важной и привожу практически без сокращений.

— Это добровольный человек пошел туда. Родина его не забыла, все возместила, как положено. Что в контракте написано было, что все сделают, помогут. Пять миллионов. (Кричит.) Они все выплатили, все! Сказали: спасибо за сына, такой герой, молодец, наградили-не-забыли. А что он погиб — это его добровольное решение было туда идти. Служить. Он мог погибнуть и в Чечне, и в Грузии. Видать, там ему судьба погибнуть была, там.

Претензии к государству? У меня есть. Одна. Пускай поднимут моего брата, оживят.

Как я могу претензии предъявить? Что я им предъявлю? Что он погиб? Он знал, куда шел. Да, мое желание, чтобы жил. Но претензии?

Факт сам в том, что ничего уже не изменить. Его же не оживить, его же не поднять оттуда. Если бы что-то могло... Если бы я пошла громить Белый дом — и он встал бы, ожил... я бы пошла. Но он же не встанет. Чего я его буду позорить. Он бы мне сказал: «Чего ты, дура, что ли? Я знал, куда шел, я знал, чего делать».

Ну, узнаем. «Погиб так-то...» Официально даже... не признают. Они же себя не признают, никто. Если все это сказать официально, я считаю, это значит — развязать войну. Это хуже, потому что больше потерь. И страшную войну, страшную просто. Все нас хотят давно поиметь, уже с каких времен. Всю жизнь Россию все ненавидели, потому что, как бы хреново мы ни жили, мы выживаем до сих пор. Мы не сдохли еще ни с голоду, ни холоду. Сколько земли, китайцам бы нашу землю.

Я, знаете, чего боюсь? Вот не дай Бог. Погибли пусть там пять человек, шесть, десять. А могут погибнуть тысячи. Когда мы начнем копать — всё. И пойдет массовая война, и погибнут наши дети, родители, мужья. Мне бы не хотелось второй Великой Отечественной.

Да, они приняли участие, но что они там делали?

Их же там не пытаются, не душат, не вешают из-за этого контракта. «Либо ты подпишешь, либо придушим». Такого же нет. Они подписывают, осознавая. Даже мой брат. Да, какой бы он там геройский ни был, но он осознавал, куда шел. Каждый раз, подписывая этот контракт... Он далеко

Сестра солдата

Петр САРУХАНОВ — «Новая»

не дурак, не глупый человек, не умалишенный, не слабовольный, не ведомый никем. Конечно, они созданы для этого. Я даже считаю так.

Докопаться — «виноваты, послали, пошли они туда, не пошли» — у них тоже был выбор идти, не идти. Это же его не ножом сзади тыкали — когда он туда шел. Он мог расторгнуть контракт. Он мог сбежать. Любой солдат может убежать, их там в цепях не тащили.

Значит, это патриотизм? Да?

Не хочу теперь ничего знать, ничего я не изменю. Не остановится эта война. Нашими криками — не остановится.

Везде, всю жизнь война. Сколько народ живет. На два сантиметра дверь передвинули — все, война, чуть не до бойни. У нас в селе стрелялись соседи из-за куска земли. А вы говорите: странами. То есть чуть-чуть замаячило на горизонте отжать у нас нефть или что-то — там все прибегут. Разве я не права?

Ну написали вы про солдат — ну и че? Каков результат? Война перестала? Ну добьетесь, ну признают они или не признают — че дальше? Ну че дальше? Мне просто интересно: че дальше? Ваш личный интерес какой? Кто в этом виноват? С кого спрашивать?

<...> Тут говорят: мы за русских, спасите-помогите. А там: спасите-помогите от русских. Они боятся уже всех. Я понимаю их. Я понимаю каждого из них, мне жалко там всех. Мне лично всех жалко — и тех, и этих. Народ озлился немножко. Они зря поливают друг друга грязью. Эти — тех... грязью. Мне это неинтересно, я не хочу все это слышать. Я понимаю, что не люди это говорят. Не наш это голос. Это голос власти. Но толку-то что?

И мы этого хотим, и все этого хотят. Чтоб вот этого дерьма не было. Но ничего не изменится. Если отступят сейчас русские — отойдут до границы. «А, давайте, дрючьте нас дальше». Если отступят — они пойдут на Ростов.

Вот в наших селах казахи — фьють — рванули туда спасать. Казахи, да! Собрались и поехали. Добровольцами. Их родина — Казахстан, а они едут. Парни все с нижних сел чухнули. Им сказали: там помрете, вам... платить ничего не будут. Вас даже и не вывезут оттуда. Так там и останетесь в сырой земле. Они сказали: «Ну и что». Вот муж рвался. Я говорю: дурак? Вообще крыша едет? «Я поеду по контракту туда». Я говорю: вообще, что ли, упал? Это не наша война. Это даже не украинская война. Она не нужна никому. Просто это идет какая-то неразбериха, непонятность эта. Как в Ираке... кого, чего ищут? Гробы только идут в Америку. Чего хорошего. Ну чего хорошего? Кладбище пополнилось. И тут оно пополнилось. На Украине пополняется. Везде пополняется. Чего поменяется? Ничего. От нас — ничего не поможет. Ничего мы не изменим. Не достучимся мы никуда, бесполезно это все. Я не вижу никакого смысла.

У меня нет злобы. Ни к кому. Даже к тем же американцам — вот я возмущаться могу, все, но у меня нет ни к кому злобы, вообще ни к кому. Потому что все мы люди, и все могут заблуждаться в чем-то. Они не знают наш менталитет, мы не знаем ихний менталитет, а если мы сядем, выпьем-поговорим, мы найдем общий язык. Любое животное можно приручить, так же и тут. А мы ведь все люди.

Что теперь сделаешь, ну что сделаешь, ну ничего не сделаешь! Для меня он герой. Для меня он гордость моя. Он для меня — всё. Смысл жизни был для меня, если честно. Я не знаю, как сыном мне был. А все, что остальное, — я ничем никому не могу помочь. Максимум — я могу тех же украинцев, беженцев, покормить, жильем обеспечить. Даже хоть отняли ценное — моего брата, мою часть. Но я не злой человек. Я приму. Придут беженцы, попросят — еды, денег, — я приму.

Нигде нет мира. Нигде нет стабильности, это жизнь, это такая... Вот я только вчера говорила: зачем вы придумываете эти

пистолеты, автоматы, оружие? Вообще — зачем? Ну на лошадях ездили — и ездили бы на телегах дальше. Я говорю: как мне хочется в такое время, где нет войны.

Дети

Что для нее Родина? Это село. Это три ее магазина. Это ее семья. Родители, живые — оба, брат-алкаш, суровый муж, двое сыновей. И сирота Сашка, восьмилетняя красавица, похожая на Костю.

Сыновья Оксаны спят в соседней комнате, на полу. Я их так и не увижу. Оксана говорит о них с гордостью, которая звучит ровно так же, как гордость за брата. Говорит об их решениях, как о решениях взрослых мужчин, — с уважением и принятием. Говорит: решили свою судьбу. Дети — решили. Но решает ли кто-то свою судьбу? А если нет — кем она определяется? И в какой момент? Когда дед рубит ящик из-под гроба топором? Когда за четыре дня седеет мама? Или действительно раньше — когда отец садится за стол в форме и говорит: «боевые подразделения», «передний край»? То, что чувствуем мы, то, что думаем мы, — насколько это наши чувства и мысли?

Чьи они?

Зачем они?

Что они приведут за собой?

— Сыновья мои в Косте души не чаяли. Он тоже — возится, спорт. Раз смотрю: упали все. Сам Костя, Колька, Лешка, Сашка, дочка его — все от пола отжимаются, нормативы сдают ему.

У меня оба сына хотят в суворовскую школу. «Мы хотим быть военными, как дядя Костя». Оба. Хотя вот они маленькие... Колька, он более осознанный, ему 11 лет будет в этом году. «Нет, пойду служить». Вот сейчас 4-й класс закончил, и мы будем подавать документы в суворовское. Ну да, а чего мне делать? Что мне, против его воли идти? Лешка тоже хочет, но он только в первый класс пойдет. Колька у меня занимается футболом, Лешка чемпион по дзюдо. Награжден вторым юношеским разрядом в свои восемь лет. Какие 8, я уже прибавляю! 7 лет. Наградили в этом году. Медали, грамоты. Первый бой — бронза, второй бой — золото. Я стараюсь детей не направлять. Они сами по себе такие вот. Тоже тянутся к спорту. Ну, Вовка, муж, весь такой занимается. Каждый день, в шесть утра встает и попер — гантели, беговая дорожка, жуть такая. Все спортсмены, одна я не спортсменка. Ну бог с ним. Они все пацаны, им надо.

Они хотят стать военными оба. Давно. Лешке еще пять лет было, он сказал. И Колька с детского садика собирается. Все равно всех подтолкнуло, что Вовка служил по контракту, что Костя — они видели в форме их, и вот они, по примеру ихнему, мне кажется. Хотя боль головная. Я им говорю: «Вам нужны разряды, чтобы вас взяли». Вот они и нарабатывают эти разряды, кто чем может. Да, не даются им этот русский и английский, будь он проклят, но, извини, не всем быть англичанами. Ну, дай бог, все образуется. Вот некоторые сидят, покупают эти знания, а потом, где работают хирургом... и отфигачат вместо аппендикита кишки.

Самое главное — воспитать людьми достойными, вот и всё. Чтобы по жизни человек шел — и ты не краснела, не седела. Мне не надо от них помощи, чтобы кормить там в старости, — я сдохну раньше. Самое главное, чтобы они жили так, что мне на том свете не было стыдно, что это мои дети. Чтоб мне никто не подошел, не сказал в лицо: ваш сын подонок, обидел там кого-то. Я хотела, чтоб они были уважительные, почтительные. Пусть Россия о нас не заботится так, как надо, все равно Россия — это наша родина, и мы должны ее любить. И как бы к нам это государство ни относилось — чего теперь делать? Видать, так нужнее, мудрее.

Елена КОСТЮЧЕНКО, «Новая»

Российская власть: история болезни

Новая книга Григория Явлинского «Периферийный авторитаризм» дает ответ на ключевой вопрос: почему результатом реформ 90-х годов, считавшихся демократическими, стало установление авторитарной власти

Объяснение, данное Явлинским с почти математической точностью (по четкости формулировок это, наверное, лучшая из его книг), понравится далеко не всем.

Оно не понравится сторонникам «нового курса» российской власти, взятого ею в последние 2 года, когда агрессивное отрицание европейских ценностей, изоляция от окружающего мира, генерация все новых ограничений прав граждан, приравнивание оппозиционной деятельности к предательству и истерическое восхваление главы государства стали ключевыми чертами государственной политики.

Но оно не понравится и тем, кто верит в миф о том, что Борис Ельцин вел страну по верному пути, а потом пришел Владимир Путин и развернул ее в противоположную сторону. Потому что Явлинский четко доказывает (он и раньше говорил об этом, только его редко слушали): путинский режим — продолжение ельцинского, а не его искажение.

«Историю болезни» Явлинский начинает с разрушения упомянутого мифа о «рубеже столетий», как «переломном моменте», когда тенденция сворачивания конкуренции в экономике и политике, ограничения прав граждан, огосударствленности СМИ и деградации партийно-парламентской активности пришла на смену противоположной, якобы господствовавшей в предшествующее десятилетие. По его мнению, этот рубеж был не поворотным пунктом, а вступлением системы в стадию зрелости после того, как был сделан важнейший выбор за всю политическую историю 90-х годов — между политической системой конкурентной или авторитарного типа.

Этот выбор, по словам Явлинского, «определился при принятии Конституции РФ в октябре—декабре 1993 года, а затем окончательно утвердился в ходе президентских выборов 1996 года и следующего за ними периода». Потому что правящая команда, сформировавшаяся вокруг президента, «даже и решившись провести выборы, исходила из приемлемости только одного их исхода»:

сохранения своей власти. Об этом те, кто сегодня представляет 90-е годы как период расцвета демократии, склонны умалчивать.

Собственно, именно это — принципиальная установка на несменяемость власти, — и есть первый и главный признак авторитарной системы, отмечает Явлинский. Невозможность «снизу», мирным и законным путем обеспечить недобровольное отстранение от власти одной команды и замену ее другой.

Что дало возможность реализовать именно такой сценарий? То, полагает Явлинский, что и правящая команда, и общество в целом «по умолчанию» считают естественной монополию власти на распределение всех основных ресурсов в государстве. А стремление создать реальное разделение властей воспринимается, как попытка ослабить власть и сделать ее беспомощной. Явлинский напоминает: нынешнее униженное положение парламента во многом является следствием кампании по дискредитации законодательной власти в 90-е годы. Когда журналисты, считавшие себя сторонниками «демократического выбора», с упоением изображали Верховный Совет, а затем Госдуму тяжелыми и бесполезными о-

«Первый и главный признак авторитарной системы — невозможность «снизу», мирным и законным путем обеспечить недобровольное отстранение от власти одной команды и замену ее другой»

вами, висевшими на «богатые» Ельцине и якобы мешавшими ему осуществлять необходимые стране социально-экономические реформы.

Отличие Системы 90-х годов от Системы нулевых и десятых, по словам Явлинского, лишь в том, что в 90-е у власти и около нее были люди, «более близкие либеральной части советской интеллигенции, нежели команда, пришедшая им на смену в 2000-е годы».

Явлинский отмечает три источника авторитарной системы. Это слияние власти и права собственности: гиперинфляция 1992 года — криминальная приватизация (залоговые аукционы), 1995—1997 гг. — фальсификация выборов и подчинение СМИ 1996—1998 гг. Это большевистские методы проведения реформ — «цель оправдывает средства». И, наконец, отказ от переосмысления советского периода, государственной оценки сталинизма и большевизма.

К концу 90-х годов людей охватило разочарование. Именно в этих условиях появился Владимир Путин. И если, констатирует Явлинский, в 90-е годы система прошла первую развилку — между конкурентной и авторитарной моделью — и сделала выбор в пользу второй, то в начале 2000-х оказалась пройденной и вторая: между авторитаризмом модернизационного типа и авторитарной властью консервативно-застойного типа.

Пересказывать дальше анализ Явлинского — значит отнимать у читателя удовольствие. Прочитайте только заголовки, говорящие сами за себя: «Выборы без выбора», «Административная рента», «Коррупция как система», «Внешний мир как противник», «От периферийного авторитаризма к авторитаризму провинциальному».

И вывод: два десятилетия после краха советской системы привели нашу страну к политической системе, основанной на

монополюющей несменяемой власти одной группы высшей бюрократии.

Системе, исключающей замену правящей группы без одновременного слома системы и глубокого политического кризиса. Системе, работающей на свое воспроизводство и исключающей возможность естественной эволюции или самореформирования. Системе, основу которой составляет распределение административной ренты и которая заинтересована в сохранении экономических и социальных условий, позволяющих эту ренту сохранять и извлекать. Системе, в которой можно выражать оппозиционные настроения лишь в ограниченных по своему потенциалу «маргинальных» (по мнению властей) информационных ресурсах, а любые не санкционированные и не контролируемые властью политические амбиции отдельных лиц или групп не могут легально финансироваться.

То, что происходит, Явлинский называет жестким словом «демодернизация». Ведущая в тупик. К архаике, обратитому отставанию от развитых стран, деградации и распаду.

Итак, диагноз поставлен, история болезни описана — но как ее лечить?

Явлинский не предлагает чудодейственного рецепта, оставляя открытым ответ на вопрос о том, есть ли выход из «сегодняшнего трагического фарса в сторону модернизации и развития».

Но в одном он уверен: долг всех здоровых политических сил в стране — попытаться разработать и предложить «реалистичную альтернативу, план выхода из нынешнего кризиса и, если нужно, навязать его напуганной и дезориентированной российской политической элите».

Борис ВИШНЕВСКИЙ,
обозреватель «Новой газеты»

Со времен ошеломительного «Жизнеописания хорька», чудом, а вернее, интригами не получившего Букера 1994 года, имя Петра Алешковского неизменно привлекает внимание. «Старгород», «Владимир Чигринцев», «Седьмой чехоманчик», «Рыба», «Институт сновидений» не всякий раз попадали в его эпицентр, но писатель и не делал усилий приспособиться ни к беллетристическим поветриям, ни к «веяниям времени». Во время он внимательно всматривался и с удивительным словесным мастерством рассекал его исторические пласты. В чем ему помогала любимая профессия археолога. В последнем романе «Крепость» (М.: АСТ, Редакция Елены Шубиной) все его писательские и исторические умения сошлись так счастливо, что читаешь с благодарным чувством узнавания — вот она, живая книга, вставшая на пути похоронщиков русского романа.

Петр АЛЕШКОВСКИЙ:

ЖИТЬ СТАЛО ДУШНО

Известный писатель — о нерве времени, самой грандиозной империи, о вреде кладоискательства и маминых котлетах

— В конце 90-х годов кто-то из критиков сказал, что Петр Алешковский не хочет быть модным — он пишет реалистические романы. Сейчас вы написали вполне реалистический роман и стали модным. Что изменилось: время или вы?

— Когда-то Алексей Герман на круглом столе в «Искусстве кино» всячески настаивал, что он снимает реалистическое кино. Ну какой реализм у Германа? Никакого. И для меня реализм — это попытка неумелого художника изобразить на холсте березку, как она есть. Мне это совершенно не интересно. У меня часто и сказки случаются, и легендами я не брезгую, вот и в «Крепости» их достаточно.

— Ну, это понятно, если ваш герой пишет книгу о Золотой Орде. Что помогают понять легенды того времени?

— Легенды вечны, типичны, ситуации, в них зафиксированные, живут и сегодня, а я всегда хочу понять свое время.

— Вы историк, но историю наблюдаете как писатель — через частную жизнь. Полагаете, такой взгляд точнее фактов?

— Мне важно ухватить нерв времени, писать о том, что берedit тебя самого. Как проблема мигрантов — основа моего прошлого романа «Рыба». Сегодня она острее острее, а я ее видел давно, поскольку смотрел на нее через судьбы людей.

— Новый роман состоит из трех частей: Город, Деревня, Крепость. Какое из пространств важнее для понимания времени?

— Все три, конечно. Город Деревск — это не город Москва. У меня пока никак не получается залезть в Москву. У каждого свое пространство. Убедителен только тот, кто создает свой мир. У меня этот мир есть, в нем мне виднее общие проблемы. Из них большая — бескультурие. Мы топчемся на месте, берем из прошлого пустословный пафос и мертвую риторику. Над разрушенной страной, как грозные облака, плывут пустые, мертвые, а порой и опасные слова, слова, слова... Жить стало так душно, что порой хочется выть...

— Но ваш герой не воет, а борется с чиновниками и циниками.

— Роман поэтому и называется «Крепость». Герой Иван Мальцов, имея внутреннюю крепость, неистово борется за крепость XV века, которая находится на территории его родного города.

— Но он не единственный герой, чья душевная крепость движет сюжет. В каждой части есть свой воин.

— Даже была идея дать книге подзаголовок: «Путь война», потому что все три ее героя — воины. «Деревня» — это тот скит, в который уходит в XI веке Ефрем Новоторжский. Преследуемый убийцами брата, он спрятался в пещеру и создал монастырь. Монгол Туган-Шона ушел в эмиграцию — поменял степь на Россию. Три пути, и все три — не самые веселые.

Наверное, есть и другие. Но мне всегда казалось, что эти куда более типичны для неординарного российского характера.

— Станислав Лем говорил, что у каждого века есть свое средневековье. Вам видятся ли какие-то его черты в настоящем?

— Чем больше историки узнают о прошлом, тем больше мы понимаем, что сходства мало. Люди прошлого процентов на 90, думаю, реально жили с Богом в душе. Еще они верили, что в конце земли живут великаны и песьглавцы. У нас и теперь много суеверий, но мир стал совсем другим. Нет, сравнение одного времени с другим неверно.

— Почему в главные персонажи книги вы берете Тимура, Мамаю и Тохтамыш? Что каждый из них значил для истории России?

— Тимур и Тохтамыш к Мамаю подтянулись, так сказать. Мамай, кто он для нашего сознания — оч-чень плохой человек, есть целый цикл мифов-сказок о Мамае, послыши. Когда я читал о Золотой Орде, мне попало сообщение о недавних раскопках около Старого Крыма (столицы главной вотчины Мамаю). Археологи раскопали большой курган, где был захоронен невысокый и очень богатый, уважаемый монгольский воин. Эпоха, статус, возраст, все совпадало, погребенный здесь мог быть легендарным Мамаем. Археология ведь редко подкидывает нам сюжет. История, с ее сохранившимися документами, куда как чаще. Понятно,

ся в нижнюю притолоку двери полуобгоревший скелет мальчишки моих приблизительно 11—13 лет. На месте сгоревшей двери — замок, закрытый на ключ, и сам ключ, оброненный где-то тут, под ногами, в одном слое с трагедией. В черном месиве — наконечники татарских стрел. Но самое страшное — скелет большой собаки, она лежала, уткнувшись носом в дверь баньки, только снаружи. Пес не бросил маленького хозяина, горел с ним вместе, но свой пост не покинул. Эта история вспоминалась постоянно, я написал о ней рассказ, но избавился от нее только после «Крепости». Избавился ли? Понятно, что «собачка» была лишь толчком, да и роман не о том, но я точно знаю, что без этих двух археологических «оживших» историй он вряд ли получился бы.

— Почему вы ввели в роман именно это историческое время?

— Эта книга вообще об истории, о прошлом. В ней много рассказов о Великой Отечественной, о времени СССР. И ровно поэтому герой связан со своим ордынским предком, что называется, узами крови, потому что история — океан прошедшего, который сплывает текст в единое целое.

— А Русь вписывает в мировой контекст?

— Мир никогда не имел Берлинской стены. Когда мы учились на истфаке, у нас было ощущение, что Россия ограждена этой стеной всегда. Ничего подобного!

« Слова — они, как оттенки краски, знать их обязательно, но стоит переборщить, получается абракадабра »

что, проиграв в Куликовской битве, лишившись двенадцатилетнего Мухаммеда-чингизиды, делавшего его, Мамаю, существование как легитимного правителя при молодом хане, Мамай проиграл не просто схватку — он проиграл жизнь. Тохтамыш, захвативший власть в Орде по праву крови, как чистый потомок Чингисхана, не мог оставить соперника в живых. Я «увидел» сцену гибели и понял, что один герой у меня есть. Тохтамыш, воевавший с ним, и Тимур, разбивший Тохтамышу, построились в логическую цепочку.

Но сама тема монгольского нашествия не покидала меня с ранней юности. В 1969 году мама взяла меня на раскопки древнего города Пронска. Он был начисто сожжен при первом походе Бату и Субедея на Русь. Никогда не забыть следы гари, черной крошкой углей не прогоревшей до конца древесины. И еще — маленький сруб, похоже — банька. В ней уткнувшийся-

Никогда! Большая часть Рюриковичей женаты на принцессах из сопредельных княжеств, а иногда из далеких земель. А иногда девочек отдавали за иностранцев. Это стандарт для любого монарха. Почему мы должны быть исключением?

Русь всегда жила в мировой истории, не в вате, не в вакууме. У нас, например, совершенно не вспоминают мощнейшее польско-литовское государство. Литовцы и поляки об этом помнят и сегодня. А мы или не знаем, или стараемся забыть.

— Неудивительно, поскольку история обычно переинтерпретируется на потребу времени и власти, а сейчас это невыгодный факт.

— От мифов никуда не деться. И тем не менее, если не будем иметь честного представления о своей истории, мы останемся шапкозакидателями и надутыми индюками. А я предлагаю, чтобы индюк был пусть маленьким и жилистым, но не

напичканным гормонами и недееспособным. История — память любого общества. И то, что сегодня творят с ней под крики о патриотизме, ни в какие ворота не лезет.

— Чем больше это слово эксплуатируется, тем меньше почтения к отеческим гробам?

— Я за молчаливый патриотизм. Слова — они, как оттенки краски, знать их обязательно, но стоит переборщить, получается абракадабра. Поиск меры — работа писателя.

— Ваш дядя, Юз Алешковский, большой мастер слова, оказал на вас влияние?

— Пожалуй, никакого влияния не оказал при всем моем уважении именно к его стихии языка в тех лучших произведениях, которые выкованы как песня. «Крепость» — моя первая книжка, в которой есть матерная речь. Есть люди, которые без мата говорить не умеют. Замечательный фронтовой мемуарист Никулин рассказывал, что только через несколько месяцев, получив в командование пушку, понял: если не научится материться, его приказы просто не поймут.

Давно все придумано. И абсолютно нет никакого табу ни на «народный» язык, ни на постельные сцены. Перечитайте «Тысячу и одну ночь». Вопрос, как вы почувствуете, как увидите. Фальшь сразу режет глаз и бьет по уху. Важно чувство стиля, чувство меры.

— В романе самый выразительный — язык деревни. Каждый характер запоминается своей манерой речи, если это пьяное, злое или жалкое бормотание можно назвать речью. Это автобиографические знания?

— Как у всякого пишущего, у меня всё частично биографическая история. Но только частично. Повторюсь, подходить к литературному произведению как к слепку с натуры — чужь. Это даже хорошо, если кто-то увидел в «Крепости» знакомых людей. Я вот всю жизнь был уверен, что Коробочка — литературный персонаж. Но чем дольше живу, тем больше понимаю, что все герои Николая Васильевича встречались мне неоднократно. Они живут среди нас и никуда не деваются.

— Умирание деревни здесь так же трагично, как смерть ее жителей. Вам жалко, что деревня умерла?

— Распутин прошался с Матерой и плакал навзрыд. Я навзрыд не плачу. Происходят колоссальные изменения социальной карты. Большая часть людей живет в городах. Что же тут печалиться? Как только снова возникнет потребность в своей сельскохозяйственной продукции, а не в привозной картошке из Египта или Израиля, вырастет и свой производитель. Но, видимо, не деревня. Но то, что все зарастает и Бирнамский лес подступил, а леса вырублены хищнически и неадекватно — это колоссальный позор нашего «верхнего отделения». Во всем мире поддерживают фермерство хотя бы как некий традиционный уклад. А мы по-прежнему шагаем по их трупам,

В поездке к нивхам
на Сахалин

Алексей МАЛЫЦЕВ

не задумываясь о будущем. Здесь человека берегут, как на турецкой перестрелке, — Александр Сергеевич, как всегда, оказался прав.

— Что вам дало многолетнее общение с вашим тестем, Натаном Эйдельманом?

— Натан Яковлевич Эйдельман был потрясающий человек. Я больше любил, честно говоря, не его книжки, а его лекции и разговоры. Сам видел не раз Натана Яковлевича в схожих ситуациях, а вспоминается история, рассказанная его одноклассником. Собрались на квартире. Сидят, выпивать не начали, ждут Эйдельмана. Он вбегает в комнату, оглядывает всех и радостно плюется в свободное и самое комфортное глубокое кожаное кресло. В воздух взлетает кошачий пух — все, в том числе и герой повествования знают — кресло принадлежит священному коту хозяина квартиры. Сливнявшая шерсть видна на коже невооруженным глазом. Всем, но не Н. Я. Ему пытаются что-то сказать, пересадить, но он уже в раже, он уже никого не слышит. Открывает портфель, резко выпивает поднесенную рюмку и с места в карьер: «Я тут ТАКОЙ документ нарыл!» Далее — получасовой рассказ, взалхб, быстрым голосом и так страстно, что гости забывают о накрытом столе. Наконец рассказ закончен. Эйдельман выходит из транса, оглядывает всех: «Ребята, а как насчет закусь?» Вскрывает и спешит к столу. Вся спина и брюки в кошачьей шерсти, но что это, по сравнению с только что «нарытым» документом. Он очень интересно мыслит, хотя, насколько я знаю, новые исследователи декабризма его романтические теории не сильно берут в расчет. Но что неотменимо и важно — Эйдельман вытаскивал на поверхность личность, увидел в документе человека.

— И сегодня другой перекоп — копаются в подробностях биографии и забывают социально-экономическую историю. Что дает писателю изучение истории?

— История никого ничему не учит. Политик живет в узком временном пространстве. Его жизнь — сегодняшние боевые условия. Что дает знание истории полководцу, который ведет войну? Ничего. Ему важны только сводки с полей боя для правильного решения. И тут все зависит от удачи, от характера, от предвидения, таланта и широты.

— То-то сейчас не видно ни полководцев, ни политиков...

— К сожалению. Оскудение культурное всегда приводит к утрате масштаба, к изоляции. Когда ставишь на свой круг, а не на весь мир.

— Откуда же такая потребность в изоляции на каком-то врожденном уровне?

— Сейчас от безысходности. Провал по всем направлениям. Я вот вижу, что происходит в реставрации. Вперед, скорее, деньги, большой объем! Качество и буква «Н» — «наука» выкинуты напрочь. Я помню, как в Центре реставрации, где

работал, проекты реставрации памятника защищались на методсовете, недодуманные зарубались. Восстановлением памятника руководили ученые. Сегодня мы видим Изборскую крепость, которую испоганили реставраторы-шакалы, из памятника сделал матрешку. Не надо нам матрешек. У нас есть матрешки на рынке. Классический пример: из Византии пришло закомарное покрытие, когда кровля кладется полукругами. В России уже к XIV веку поняли, что в желобах собирается снег, кровля протекает, поэтому появились четырехскатные кровли, и храмы стали выглядеть по-другому. Поэтому возникает вопрос: восстанавливать храм на XII веки или сохранить изменения XIV? Когда женщина перешивает наряд, она десять раз посоветуется с портными, какие оборочки оставить, какие выточки сделать. А здесь махом — раз и все! Мы теряем памятник навсегда.

Непоправимый урон нанесен археологии. Кладоискательство запрещено законом, но езжайте на Измайловский рынок и из-под полы вам достанут все что угодно, а металлодетекторы можно купить в любом магазине. Все копают курганы, причем варварским способом. Никакого золота, конечно, не найдут, но памятники уничтожены! И что, Дума следит за этим разорением нашей истории?

— Во времена тотальных подмен нет потребности в достоверности.

— Потребность колоссальная, просто обыватель не эксперт. А его дураят, ставя на полку «История» антиисторические сочинения Фоменко. Ведь вера в то, что «историки что-то от нас скрыли», вера в кашпировских, фей и целителей тиражируется телеканалами. Если бы пропагандировали серьезную науку, которая куда интересней фальшивок, многое бы наладилось.

— Ваш герой гибнет, отстаивая крепость в ее первоначальном виде. Вы не верите в честную победу?

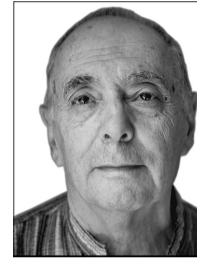
— Герой не гибнет, его закапывают. И это метафора, которая должна быть прочитана. Жанр трагедии никто не отменял. Я не буду говорить, что верю в победу добра в борьбе со злом. Верю или хотел бы верить. Но то, что происходит сегодня, я мог бы передать словами моей мамы. Она однажды зашла ко мне в комнату и сказала: «Как же душно стало жить». А день был такой солнечный, и она до этого жарила котлеты. И я думал, что сейчас будет счастье: меня будут кормить домашними котлетами, и все будет хорошо. И все сразу стало плохо. И солнце померкло, как мне показалось. Бывает и такое настроение. Это не значит, что руки надо опускать. Ни в коем случае.

Ольга ТИМОФЕЕВА, «Новая»

ВЗГЛЯД ЧАСТНОГО ЧЕЛОВЕКА

Зелизе и Опера

Как долго можно жить во вранье и злобе?

Анатолий
НАЙМАН

И писать про это больше вроде нельзя, столько тонн бумаги уже исписано и часов радио- и телеэфира наговорено. А не писать — что-то этим изображать, например, делать вид, что мы с нашей гималайски-корсунской духовностью чужды земной суеты и для нас террористический акт — обыденность. Но писать, не писать, умничать, суесловить — от мыслей о происшедшем и готовом сию минуту практически безнаказанно повториться не избавит. Потому что, может, и обыденность — но где!

«Три мушкетера» в детстве, «Граф Монте-Кристо» подростком, «Отверженные» в юности, не говоря уже о более полном каноне французской литературы, усвоенной в продолжение жизни, — и оказывается, все, что происходит в Париже, не чужое. Для тех же, кто в нем побывал реально, а какое-то время, возможно, и прожил, он внедряется в душу острее и глубже, чем самое-самое свое. Когда в булгаковском «Театральном романе» знаменитый писатель рассказывает о скандале, случившемся там с соотечественниками, восхитительность сцены не в фактах (кого-то в обществе вырвало, другой плюнул даме на шляпку), а в двух повторяемых топонимах — Шан-Зелизе и Гранд-Опера. «На Шан-Зелизе? — переспрашивают слушатели. — В Гранд-Опера?» — «Подумаешь. Там это просто», — торжествует рассказчик, захвативший всех — и захваченный сам — магией этих «зелизе» и «опера».

Несправедливо, но так. Теракт убогого норвежца, в 2011-м взорвавшего и расстрелявшего 77 человек, возможно, выглядит безумнее парижских атак 13 ноября, но он более изолирован от привычного, выведен в пространство полудачное-полуликниковое, не знаю где, и мог бы с таким же успехом сойти за антураж выдуманного детектива. Тогда как, рассматривая карту событий в Париже, я автоматически прокомментирую: площадь Республики, да-да, мадам с оливковой веточкой над Свободой, Равенством, Братством и дрессированным львом; бульвар Бомарше «иль перечти «Женитьбу Фигаро». Я ловлю себя на том, что Париж — это не столько то, что видели мои глаза и где шаркали мои подошвы, а то, что я прочел. Ведь что прочел — твое, не так ли?

Однако и то, что Париж реальный, место на земле, знаменитый город на Сене, не книга и не многотомная библиотека, а такое же средоточие дефектов человечества, как любая заплеванная захолустная автостанция, из вида не упускаю. Выпивший парижский буржуа может устроить для всей улицы представление на тему «Почему, почему она меня бросила?», но будьте готовы к тому, что улыбающийся ему зрители, перехватив вашу улыбку, ответят акульим взглядом. Кровавое пролитие 13 ноября не чистый опыт переживания. И тяжесть переживания не ушла с кровопроли-

тием. За все прожитые мной на этом свете годы не помню сколько-нибудь продолжительного периода благоблагостворения воздуха ни у себя в стране, ни в мире. Последние неполных два я живу в официально культивируемых вранье и злобе. Мне объявлено максимально авторитетными источниками, что правды как осмысливаемой категории нет, а есть лишь то или другое мнение о ней. Что, принадлежа к 14% граждан, не принимающих эту мудрость, я оказываюсь один против шести соотечественников. А превыше всего — что как гражданин своей страны я якобы попал в кольцо ее врагов, и, хотя страна объявляет себя христианской, хватит придуриваться, будто христианам заповедано их любить.

Не выделяя наши внутренние обстоятельства как особо неудовлетворительные в противовес западным, более уютным и привлекательным. Теракт, как среднего веса метеорит, упал в болото более или менее заурядной повседневности. Накануне я был приглашен в институт культуры одной симпатичной западноевропейской республики на презентацию вышедшей там книги о еврейке, погибшей во Вторую мировую. Вечер шел, как все подобного рода, пока не выступил представитель нашей, как он объявил, компании, занимающейся разными делами, например, и изданием переводов. Некоторое затруднение, сказал он, представляет то, что, хотя тяжелые испытания выпали в те годы всем, евреи относятся к своей судьбе особенно болезненно. Его заместитель, выглядевший, будто только что снял китель и надел пиджак, сказал, что надеется, что им удастся — он показал руками — абортировать (или адаптировать — не расслышал) спорные места... Спросите у оставшихся в живых в станции Куцевской, почему они относятся болезненно к тому, что вырезали именно их семью. Спросите у французских властей, почему они только сейчас заговорили об опыте Израиля в борьбе с терроризмом, а до того так заискивали перед своими арабами, что попускали им публичные нападения на своих же евреев.

Перед визитом в институт я прочел пересланную мне статью с нашего фрондерской направленности сайта о том, как Россия погружается в экономический, политический, бытовой и прочий хаос. И как мудро поступили те, кто успел переправиться за границу. Тон был злорадный и самодовольный. Неотвязная греза немалой части наших эмигрантов: чем в России хуже, тем они проницательнее и умнее, тем нагляднее их выигрыш. Я вспомнил эпизод времен военной эвакуации. В Ташкенте в двухэтажном доме для эвакуированных на одном этаже поселили антифашистов, бежавших из гитлеровской Европы, на другом — обыкновенную советскую публику. Первые так ругались и дрались между собой, что Ахматова, жившая под ними, сказала: «Если такие антифашисты, какие же фашисты?»

История делается не на пяточке времени. Крестовый поход Европы в Палестину отделяет от нынешнего палестинского реванша почти тысяча лет. Как зывали ксендзы в «Золотом теленке»: «Опаментайтес, пан!» Ревене-а-суа, мсье!

Отступление Минюста

Министерство юстиции направило правозащитному центру «Мемориал» предписание с требованием поправить устав. Этот документ появился через неделю после одностороннего заключения Минюста по итогам проверки «Мемориала», в котором правозащитников обвиняли в подрыве конституционного строя. В предписании таких обвинений уже нет, а чиновники постарались забыть о существовании выводов, сделанных в заключении. Напомним, исходной причиной скандала стала позиция «Мемориала» по «болотному делу», которое правозащитники считают политическим и сфабрикованным, и по конфликту на Украине.

Нынешнее предписание Минюста подписано руководителем Главного управления Минюста по Москве Вадимом Федоровым и, по мнению «Мемориала», также не соответствует законодательству. Юрист центра Кирилл Коротеев уверен, что организация не нарушает закон, а вот если внести в устав правки, которые

Правозащитный центр «Мемориал» больше не обвиняют в подрыве конституционного строя. Чиновники сделали вид, что скандала не было

предлагает Минюст, нарушения появятся: «Например, они хотят, чтобы мы не получали бюджетных средств или чтобы в уставе это не было прописано. В Минюсте считают, что указанная в уставе возможность «Мемориала» получать деньги из бюджета противоречит Гражданскому кодексу, но в нем указано, что организация может получать средства любым не запрещенным законом способом». Согласно предписанию, устав нужно изменить до 21 декабря, однако последняя версия Гражданского кодекса предполагает, что уставы организаций можно править только на очередном собрании соответствующего органа, который имеет на это право, — в «Мемориале» такое собрание должно состояться весной 2016 года, говорит Коротеев.

Почему Минюст отказался от угрожающих формулировок о подрыве кон-

ституционного строя, юрист судить не берется: «Может, действительно решил, что такие обвинения выдвигать безумно и абсурдно, но не готов это открыто признать. Но даже то, что нам продолжают предъявлять, не имеет ничего общего с законом, и это говорит о качестве работы Минюста как в политическом, так и бюрократическом смысле: эти люди неспособны применять законодательство».

О непрофессионализме сотрудников министерства, отвечающего за законность, в «Новой» уже высказывались специалисты по конституционному законодательству. Директор института мониторинга эффективности правоприменения Общественной палаты Елена Лукьянова считает, что обвинения Минюста нарушают 2 главу Конституции, провозглашающую свободу слова. Михаил Краснов,

доктор юридических наук и бывший помощник президента Бориса Ельцина, полагает, что авторы заключения по «Мемориалу» «то ли просто безграмотны, то ли они предали свою профессию».

«Новая» предприняла попытки разобраться в том, чем известны специалисты московского управления Министерства юстиции Г.А. Алоян и П.В. Черемнов, подписавшие первое заключение о «подрыве конституционного строя». Алоян и Черемнов оказались людьми без биографии: в российских базах научных работ нет их диссертаций, следов юридической карьеры обоим в открытых источниках не обнаружено. Сотрудники пресс-службы Минюста и Главное управление Минюста по Москве на запрос о профессиональной биографии своих экспертов и возможности интервью с ними ответа не дают. В Главном управлении «Новой» рекомендовали обратиться в пресс-службу ведомства, а в пресс-службе — в Главное управление. Мы публикуем на нашем сайте эти ответы, весьма красноречиво свидетельствующие об умении сотрудников Минюста работать с документами.

Анна БАЙДАКОВА, «Новая»

ПРОЦЕСС

В Ростове-на-Дону продолжается судебное разбирательство «дела Зиринова»: анапского предпринимателя и еще пятерых подсудимых обвиняют в создании ОПГ, совершившей несколько громких убийств. Дело слушает коллегия присяжных заседателей в зале Северо-Кавказского окружного военного суда. На последних заседаниях ноября случилась практически сенсация: потерпевший Константин Садовничий признался, что на предварительном следствии по совету сотрудников СК и ФСБ фактически оговорил Сергея Зиринова.

Константин Садовничий — родной брат гендиректора анапского санатория «Малая бухта» Виталия Садовничего (вместе с женой Ольгой Иванкиной был убит в марте 2002 года).

В суде Константин рассказал, что после переезда в конце 90-х годов в Анапу его брат оставил военную карьеру и устроился главным бухгалтером санатория «Малая бухта», а вскоре занял пост директора.

— Оказывал ли ему кто-то содействие в назначении на эту должность? — спросил прокурор.

— У него были хорошие связи в Анапе. Возможно, это помогло ему стать директором. Но Виталий был коммуникабельный, активный, решительный. Не исключено, что он и самостоятельно устроился на эту должность.

Этот ответ шел вразрез с тем, что заявляли раньше другие потерпевшие и свидетели обвинения: занять пост гендиректора ЗАО «Малая бухта» Виталию Садовничему помог Сергей Зиринов. О подсудимом брат покойного слышал как об известном и влиятельном анапском бизнесмене, но ему ничего не известно о конфликтах между Зириновым и убитым. В то же время, по словам потерпевшего, у Виталия Садовничего были серьезные конфликты с акционерами санатория и городскими чиновниками, а также ему известно об уголовном деле против его брата, которого подозревали в мошенничестве и хищении денежных средств ЗАО.

Когда в марте 2002 года брат с женой исчезли, Константин обратился в правоохранительные органы Анапы, предполагая, что против Виталия Садовничего совершено преступление. Но имени Сергея Зиринова (как человека, причастного к преступлению) в 2002 году он не называл. Оно появилось в протоколах допросов на предварительном следствии в 2013 году. Эти протоколы были зачитаны в зале суда в полном объеме, потому что обнаружилось существенные противоречия между показаниями, прозвучавшими в суде и данными потерпевшим во время предварительного следствия. В частности, согласно протоколу от 8 мая 2013 года, Виталий Садовничий сказал своему брату, что являлся куклой в руках Сергея Зиринова, настоящего хозяина санатория «Малая бухта»; что Константин подозревал Сергея Зиринова в убийстве своего брата, конфликтывавшего с бизнесменом.

— В 2002 году я не являлся жителем Анапы и не мог подозревать кого-либо в смерти брата. Значительно позже, в 2013 году, когда пропала надежда, что брат

«Зачем же вы тогда оговорили?»

Этот вопрос на заседании по делу Зиринова задал одному из потерпевших прокурор. И получил ответ: в надежде получить от подсудимого «астрономическую сумму»

найдется, меня вызвали в милицию, показали ужасные фотографии трупов и сказали, что преступление совершил Сергей Зиринов. Я собственного расследования не проводил, эта информация мне известна только со слов следователей. Я принял версию сотрудников правоохранительных органов, так как не хотел препятствовать расследованию дела. У меня не было причин не доверять следствию — так Константин Садовничий объяснил расхождение в показаниях.

Также в суде потерпевший заявил, что, внимательно ознакомившись с делом, пришел к выводу об отсутствии у Зиринова мотива для убийства гендиректора санатория:

— Мне сказали (на предварительном следствии. — **В. М.**), что якобы Зиринов и мой брат являлись держателями акций санатория «Малая бухта» и у них возник конфликт. Но, изучив дело вместе с адвокатами, я выяснил, что в 2002 году ни Зиринов, ни мой брат никакими акциями не обладали. Мне нужен мотив, чтобы подозревать, но получается, что мотива убивать у Зиринова не было, — заявил брат жертвы.

— Зачем же вы тогда оговорили Сергея Анатольевича? — озвучил прокурор вопрос, который, казалось, висел в зале с начала допроса потерпевшего.

— Мне в правоохранительных органах сказали, что у них имеются неопровержимые доказательства. Еще сказали, что у них есть очень хороший адвокат, который поможет мне написать иск к Зиринову на огромную, астрономическую сумму, — признался Константин Садовничий.

После этих откровений заседание в зале СКОВС приобрело вид форменного скандала.

— Сколько стоит изменить показания? — поинтересовалась Людмила Мченская, жена убитого Салмана Набиева.

— 30 сребреников! — раздалось из «аквариума».

— 700 миллионов! — «уточнил» подсудимый Амар Сулов, напоминая о том, что каждый из потерпевших заявил иски именно на такие «астрономические» суммы.

— Рот закрой! Сидишь там и сиди! — парировала вдова.

Чтобы прекратить перебранку и вернуть процесс в рабочее русло, судье Олегу Волкову пришлось пригрозить участникам процесса удалением из зала.

Вообще, о том, что на предварительном следствии были даны те показания, которые устраивали следствие, — в зале СКОВС рассказал не только Константин Садовничий. До него в том же призналась Анна Шолохова, жена Дмитрия Сапожникова (осужденного за убийства в 2002, 2004 и 2013 годах). Когда прокурор также обратил внимание на расхождение в показаниях, прозвучавших в зале суда и в протоколах предварительного следствия, женщина заявила:

— Мне на следствии подсказывал следователь, что говорить... Вы бы видели, в каком эмоциональном состоянии я тогда была и сколько часов меня держали...

— Какие из ваших показаний являются правдивыми? — уточняет прокурор.

— Сегодняшние показания — правдивые. А то, что писали за меня на следствии, неправда, — призналась Анна Шолохова.

Судебное следствие по «делу Сергея Зиринова» идет в СКОВС с 8 июля 2015 года. Подсудимые свою вину отрицают, дело считают сфальсифицированным с целью отъема прибыльного бизнеса.

Следующее заседание состоится 1 декабря 2015 года.

Виктория МАКАРЕНКО,
соб. корр. «Новой»

Улитка на обочине

Акция петербургских дальнбойщиков «Улитка» с окраины города переехала к стенам Смольного

В десять утра у метро «Проспект Ветеранов» меня встречает Олег Крутских. Перед тем как стать индивидуальным предпринимателем, он десять лет сам отрулил на грузовиках. Олег, как и сотни петербургских дальнбойщиков, 24 ноября присоединился к акции протеста против системы «Платон» — взимания платы с водителей большегрузов за проезд по федеральным трассам. В этот день водители бастовали по всей стране — от Красноярска до Петербурга.

15 ноября через систему «Платон» за проезд по федеральным трассам с 12-тонных грузовиков должны взиматься сборы в размере 1,53 рубля за 1 км. Дальнбойщики против: нововведение ставит их бизнес под угрозу банкротства.

В Петербурге больше 300 большегрузов весь день ползли как улитки по Московскому шоссе и Софийской улице. За сутки водители провели «митинг на бензобаке», организовали два народных схода и сделали то, что было под силу оппозиционерам: доехали до Смольного.

Собирались вдоль Московского шоссе дальнбойщики начали накануне, 23 ноября, когда на обочине на ночную стоянку выстроилось 40 фур. Вторая группа грузовиков в это время собиралась на Софийской улице.

Поехали!

В колонне несколько грузовиков Олега. Сам он едет на джипе. Так проще отслеживать передвижение колонны дальнбойщиков. Крутских высаживает меня на обочине и уносится дальше — согласовать маршрут движения. Решение

о том, как действовать 24 ноября, дальнбойщики принимали сообща. Помимо Олега, во главе протеста встала группа перевозчиков-предпринимателей — около десятка человек.

На обочине зябло. Машины покрыты изморозью. Дальнбойщики докуривают сигареты — колонна вот-вот должна тронуться с места. Кто-то спешно допивает утренний кофе — ночь водители провели в машинах.

«Братаны, поехали!» — раздается в голове колонны.

Подбросить меня до места всеобщего сбора на Софийской улице соглашается Николай. Спортивная куртка, на лоб решительно надвинута серая шапка. Машет рукой в сторону красного грузовика с пустой площадкой. Только успеваю залезть в кабину огромной фуры, как колонна начинает движение в сторону города.

Скорость — пять километров в час. Так тащиться непросто для тех, кто привык за считанные дни проходить тысячекilометровые дистанции. Многокилометровая улитка из сотен автомобилей, которая ползет по шоссе, вполне может заблокировать движение, создав в городе транспортный коллапс. Но акция 24 ноября — скорее игра мускулами. И предупреждение властям.

Не реже километровых столбиков на обочине стоят инспекторы ГАИ — машин со спецзнаками так много, что возникает опасение: остались ли гаишники в городе? ПДД никто не нарушает, поэтому водителей штрафуют по мелочи — кого за грязные номера, кого — за то, что фара не горит. Тормозят легковушки с плакатами «Нет «Платону». Инспекторы подолгу ведут с мятежниками воспитательные беседы — а улитка ползет себе дальше.

Но всякий раз, когда гаишники останавливают кого-то из водителей большегрузов, останавливается вся колонна. Чтобы не разрывать цепь.

**Три кума
в одной колонне**

Грузовик, который ведет Николай, за весь день так никто и не тормознул. «Испугались», — ухмыляется он. На бампере кусочками скотча неровно наклеена огромная надпись «НЕТ ПЛАТОНУ!!!». В кабине рядом с банкой растворимого кофе лежат про запас еще два рулона строительного скотча. Рассказывает, что хотел еще над ветровым стеклом наклеить, но лестницу было неохота тащить.

Николаю немного за тридцать. Приехал из-под Воронежа. Недавно купил трактор — про себя с усмешкой говорит, что он теперь первый парень на весь край. (Вспомнилось летовское: «На хрен брошу все хозяйство и поеду в город я, За свою меня там примут, ведь в почете там свинья, Я на гвоздь повешу лапти и надену свой пянджак, И уеду я отседа на воронежский пятак».)

Полтора месяца Николай работает дальнбойщиком, а потом едет домой — в воронежскую глушь. Там пашет на тракторе — и снова в рейс. Земли полно — никому, говорит, не нужна. Все мужики разъехались на заработки — кто строителем, кто охранником.

Николай пошел водителем. Шесть лет назад в первый рейс позвали кумовья. Все трое из одной деревни: жен побросали, поехали деньги зарабатывать. Все трое 24 ноября идут в одной колонне.

«Деревня между тремя областями, в углу стоит. Хочешь не хочешь, а бежать надо», — усмехается он. Сбежать-то сбежал, но в деревне осталась семья. По домашним скачует: «Две дочери прекрасные, жена-принцесса...»

В углу кабины в рамке поблекшая фотокарточка — улыбающиеся девчухи и молодая женщина с букетом роз.

← СТРАНИЦА 19

Улитка на обочине

«Была бы возможность — давно чухнул бы оттуда. Перебраться бы в город, грузовик купить, — рассуждает Николай. — Если бы не было этой хрени».

«Хрень» — это не только система «Платон», но и все нововведения, которые превратили некогда рентабельный бизнес перевозок в сущее мучение.

По сути

Все, кто едут в колонне, понимают: 1,53 рубля за километр, которые с 15 ноября надо платить через систему «Платон», — только начало. Дальше размер сборов будет только повышаться — с марта 2016 года он составит 3,06 руб., а с 2018 года — 3,73 руб.

Минтранс утверждает: через «Платон» будут собираться деньги на ремонт дорог, которые разбивают большегрузы. Дальнбойщики, в свою очередь, называют инициативу Минтранса «третьим оброком» — средства на ремонт дорог с них государство и так получает через транспортный налог и отчисления с продажи топлива.

Вопрос, куда пойдут деньги, мужики обсуждают особенно живо — все они уже прочитали, что сбором средств с дальнбойщиков займется компания «РТ-Инвест Транспортные системы» (РТИТС), принадлежащая Игорю Ротенбергу, сыну друга Владимира Путина. За оказание услуг оператора структура Ротенберга получит миллиардные прибыли.

Дальнбойщики заявляют: сомнений — надо ли бороться — у них нет. С «Платоном» они будут попросту уничтожены.

«Если закон не отменят, придется разбирать машины на запчасти, — честно говорит дальнбойщик и индивидуальный предприниматель Александр Лицкевич. — Я хочу работать. Уберите «Платон» — поеду в рейс».

О том, что 3,73 рубля за километр — все равно что сдать машину в утиль, говорят многие. Водитель с 30-летним стажем Михаил Валиев формулирует иначе: «Будет Платон» — слопаются все ИП». И не только они. Поэтому в протестной колонне немало фур крупных перевозчиков.

Перед лицом «Платона» дальнбойщики едины.

«95 процентов моих товарищей стоят в забастовке — грузов не берут, — говорит индивидуальный предприниматель Станислав Иванов. — Заплатим любые штрафы, но своего добьемся».

«Мы не выступаем ни под чьими флагами. Мы выступаем от имени дальн-

бойщиков. С нас снимают последнюю рубашку, — подчеркивает Олег Крутских. — Пострадаем не только мы. Вырастут цены на все товары, которые везут фуры».

«Сейчас один километр пробега стоит 1 рубль 53 копейки с перспективой повышения, — на пальцах объясняет схему индивидуальный предприниматель Андрей. — Например, если грузовик везет 20 тонн муки из Краснодара в Петербург, это 2100 км пробега. В итоге получаем удорожание 1 кг продукта на 20 копеек. Вроде бы крохи, но большинство грузов до шести раз перемещается, и порой на значительные расстояния».

На одной частоте

Обычное развлечение водителей, которые идут в одной колонне, — разговоры по громкой связи. 24 ноября все переговоры по акции дальнбойщики вели на отдельной частоте. Обсудили все — и акцию, и погоду, и систему «Платон» не один раз помянули недобрым словом.

«Глянь, ДПС присоединились», — передают из самого конца колонны, наблюдая, как к колонне пристраивается очередной патрульный автомобиль. «Если нас меньше станет, кто им платить будет? Они же петрушкой торговать пойдут!» — бодро подхватывают тему.

К разговорам про политику Николай не подключается — наоборот, просит коллег не засорять болтовней эфир. Спрашиваю, знает ли он, кто такой Игорь Ротенберг. Раньше даже не слышал никогда. Ни про то, что сын олигарха. Ни про то, что из круга Путина. Говорит, имя вообще ничего не говорило, пока не увидел плакат «Ротенберг хуже ИГИЛ» (*Запрещенная в России террористическая организация.* — Прим.). Зато теперь — в курсе.

Митинг на бензобаке

К часу дня фуры доползли до Софийской улицы. На обочине по покрытой изморозью траве навстречу колонне, размахивая руками, идут дальнбойщики из второй группы. Выясняется, что утром в ожидании коллег здесь жгли покрышки. Тушить огонь приезжали пожарные, но к моменту воссоединения колонны все уже тихо — ни дыма, ни огня.

На месте слияния двух колонн возник стихийный митинг — без транспарантов, растяжек и лозунгов, но с пламенными речами.

Один из водителей, забравшись на площадку большегруза и встав прямо на бензобак, кричит в мегафон: «Им наплевать на нас — они задачу поставили

себе карманы набить. Наши требования простые — мы не политикой занимаемся. Мы занимаемся работой. Система «Платон» нашу работу задушит! Мы копейки никому не дадим. Они все врут, что платить хотят за ремонт дорог. Система «Платон» создана для того, чтобы проще было украсть деньги!»

Толпа поддержала оратора ободряющими возгласами. Тут же родился план акции — колонна по КАДУ должна проползти до Октябрьской набережной, а оттуда проследовать к Смольному. Запрыгнув в кабины, водители со скоростью улитки, те же пять километров в час, отправились по маршруту.

Вот поэтому мы тут, ребята

Колонна продолжает переговариваться по громкой связи. Но разговоры все больше невеселые.

— Ребят, если не отменяют «Платон», либо в колхоз идти, либо с кистенем на дорогу. Деваться некуда.

Кто-то настроен еще пессимистичней:

— Вы как хотите, оставят «Платон», не оставят — я буду машину продавать.

— Так ты не понял, это не закончится, они к тебе домой придут...

Пауза. Кто-то тихо подытоживает:

— Вот поэтому мы и тут, ребята.

Раскачать колыбель революции

На полпути к Смольному на связь с дальнбойщиками внезапно вышли городские чиновники. По словам петербургского экс-депутата Сергея Гуляева, в 16 часов к организаторам акции обратился заместитель вице-губернатора Николай Бондаренко, который сообщил, что готов встретиться с лидерами дальнбойного протеста в Комитете по благоустройству

в самом центре города, на Караванной улице.

Встреча была назначена на 18 часов — оставалось два часа. Колонна дальнбойщиков двинулась в сторону города. Минобл. Кад и проехав по Октябрьской набережной, почти шестьдесят большегрузов выстроились у моста Петра Великого. Остальные грузовики поехали «в парк». Организаторы на легковушках рванули было к Караванной, однако на пути встали инспектора ГАИ, заявившие, что всю колонну организаторов к комитету не пустят: машины создадут затор у Невского проспекта.

Тут на принцип пошли сами организаторы, заявившие, что в таком случае проведут мирный сход у Смольного на площади Пролетарской Диктатуры. А вице-губернатор, если желает встретиться с людьми, пусть приезжает сам. Бондаренко не приехал. Дальнбойщики час простояли у здания правительства. На место приехала только полиция.

А позже стало понятно, что вице-губернатора ждали зря. Бондаренко заявил, что представители дальнбойщиков повели себя несерьезно и «не представляют тех ребят, которые стоят у трассы и заявляют о своих правах».

«Несерьезные» дальнбойщики заявление чиновника не оценили.

«Нас кинули. В который раз», — возмущенно констатировали участники акции и разъехались по домам. Восwoясы отправили и фуры от моста Петра Великого.

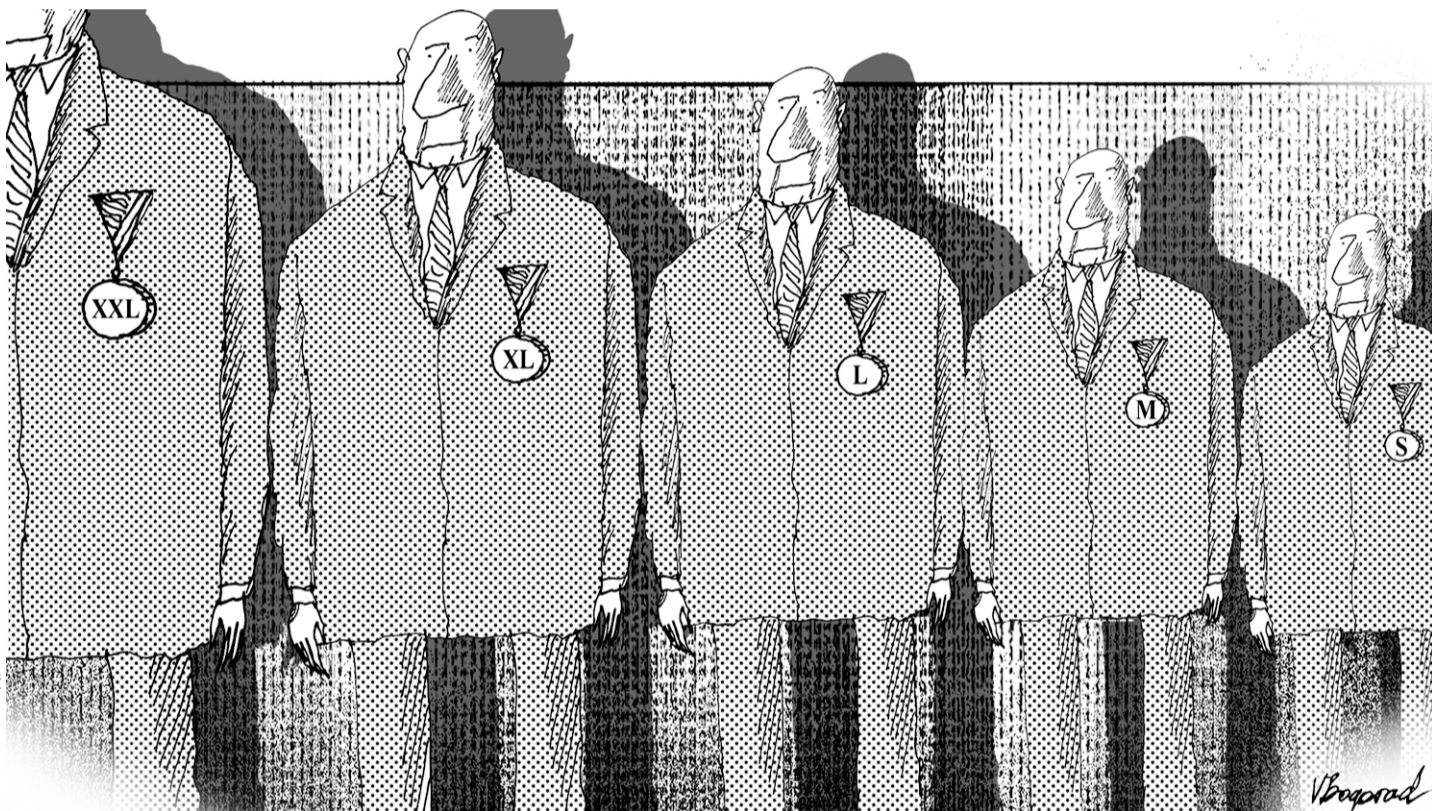
Впрочем, ненадолго. 29 ноября петербургская колонна намерена присоединиться к всероссийской акции протеста. До Москвы они поедут с нормальной скоростью, а там встанут улиткой на северной стороне МКАД.

Алиса КУСТИКОВА,
фото автора
и Елены ЛУКЪЯНОВОЙ

Подайте на медальку

Сетевой маркетинг КПРФ добрался и до Петербурга – детям войны предлагается приобрести ничего не значащую медаль и удостоверение. Цена вопроса — 160 рублей: 130 за значок и 30 за корочку

ВИКТОР БОГОРАД. CARTOONBANK.RU

Ранее сообщения о своеобразном способе коммунистической партии уважить стариков приходили из Екатеринбурга и Нижнего Новгорода, где, как писали местные СМИ, людям, рожденным 1928–1945 годах, «медали не дарят, а продают».

«Узнала про выдачу медалей, подумала, что государство вспомнило о нас, — рассказала нижегородская пенсионерка одной из газет. — А оказалось, что я должна 130 рублей заплатить! Лучше бы вообще ничего не выдавали, чем такое оскорбление».

Позже выяснилось, что медаль и удостоверение не государственные, а коммунистические, то есть учрежденные ЦК КПРФ. Да и вручают их не чиновники, а лидеры региональных ячейек организации «Дети войны», созданной Геннадием Зюгановым.

«Девчата, бегите скорее»

В начале ноября «аттракцион» доехал и до Петербурга.

75-летняя пенсионерка Светлана Ивановна услышала от соседки, что в Василеостровском «Центре помощи женщинам, попавшим в трудные ситуации» можно заплатить 130 рублей за некую медаль и получить, как ребенок войны,

гарантию прибавки к пенсии в 1000 рублей с 1 января следующего года.

«Нам еще сказали: мол, девчата, бегите скорее и тоже оформляйтесь. Ну мы с тремя подружками пришли во вторник, 10 ноября. Там дополнительных вопросов не задавали, все сразу поняли, когда мы сказали, что детки войны. Нам так любезно указывали, куда следует идти, — говорит собеседница «Новой». — Никаких подозрений не возникло, потому что центр находится в здании муниципального образования № 7. Да и табличка там такая... На красном фоне, как на администрации».

Старушки, по ее словам, дошли до указанного кабинета, где им сказали, что Нины Сергеевны Балагуровой, которая занимается детьми войны, на месте нет, но каждой вручили номер ее телефона.

Пенсионерки направились к выходу, сжимая в руках бумажки с телефоном возможной благодетельницы: «И тут нас окликнул пожилой мужчина и спросил, кто мы. Когда объяснили, что дети войны, он закричал: афера! И сказал, чтобы мы никому ничего не платили. Мы напугались и ушли, этой Балагуровой звонить не стали».

«Новая» Нине Балагуровой все же позвонила. Она ничуть не удивилась, что ее контакты раздают старикам. Однако заверила, что в данной истории сработал испорченный телефон, так как медаль никак не связана с прибавкой к пенсии. По ее словам, медали и пенсии нужно рассматривать по отдельности.

КОГДА
МЫ ОБЪЯСНИЛИ,
ЧТО МЫ ДЕТИ ВОЙНЫ,
ОН ЗАКРИЧАЛ:
АФЕРА!
И СКАЗАЛ,
ЧТОБЫ МЫ НИКОМУ
НИЧЕГО НЕ ПЛАТИЛИ

«Медаль вручает наша организация «Дети войны», учрежденная центральным комитетом КПРФ. Стоит 130 рублей (средства исключительно на изготовление), но вы можете ее и не брать. Почему КПРФ собирает деньги? Потому что у них нет такого фонда — армия детей войны все-таки большая», — пояснила член правления районного отделения «Детей войны» Балагурова, подчеркнув, что «все это связано и с администрацией, и с ветеранскими организациями».

Связь с властями, как выяснилось, выражается лишь в том, что василеостровские муниципалы безвозмездно предоставляют общественникам помещение для проведения собраний. Да и в газете МО № 7 сообщалось о том, что в районе созданы «Дети войны». Но к платным медалям, настаивают

в совете, они никакого отношения не имеют.

В районной администрации тоже подчеркнули, что в подведомственных учреждениях выдача медалей «Дети войны» не ведется. «О деятельности общественной организации «Дети войны» и выдаче медалей администрация Василеостровского района сведений не имеет», — говорится в ответе чиновников.

Соратница Балагуровой, замруководителя василеостровских «Детей войны» Татьяна Яковлева также не видит ничего страшного в покупных медалях, потому что, «во-первых, можно отказаться, но я себе, например, взяла». Зачем, она не пояснила.

«Им лишь бы
деньги содрать»

Что же касается прибавки к пенсии, то здесь речь идет о пылящемся в Госдуме законопроекте КПРФ: общественники рассчитывают, что коммунистам при их поддержке удастся пролоббировать дополнительное финансирование детям войны, поскольку сегодня такая норма есть лишь в Социальном кодексе Петербурга, да и то в сильно урезанном варианте. Таким образом, на 1500 рублей, а если точнее — на 1045 рублей (за вычетом за проезд) могут рассчитывать лишь те дети войны, которые не получают иных льгот — например, на правах ветерана труда или в связи с инвалидностью. Активисты надеются на то, что детей войны приравняют к участникам.

Окликнувшего старушек в центре социальной помощи мужчину зовут Юрием Васильевичем Жилиным, он отстраненный председатель районных «Детей войны». Пенсионер подтвердил, что прибавки к пенсии покупка медали не гарантирует и действительно дело это добровольное и означает лишь одно: человек принят в организацию. «Мы медали заказываем в Москве. 50 членам нашего движения их уже торжественно вручили, еще 50 штук заказали», — рассказал Юрий Васильевич. Однако сам он в «Детях войны» разочаровался, говорит, что им бы лишь деньги содрать, и признается, что в беседе с первым секретарем петербургского отделения партии Ольгой Ходуновой выражал свое недовольство необходимостью за все подряд платить — за те же удостоверения, например. Та якобы обещала разобраться.

«Это волонтеризм!»

В федеральной КПРФ затруднились объяснить, почему подотчетные им «Дети войны» взимают плату со стариков. В пресс-службе переадресовали к первому секретарю петербургского отделения партии Ольге Ходуновой.

Но Ходунова внезапно... категорически опровергла информацию о сборе средств за медали, отказавшись даже от формулировки «на материалы». Она заверила, что медали «Детей войны» не продаются: «Они вручаются самым активным членам нашей организации, никто не просит 130 рублей, это волонтеризм! Еще раз: никакой продажи медалей не производится, это уже на местах какие-то перегибы. И сбор средств на удостоверения не осуществляется».

Остается только заметить, что ни Светлана Ивановна, ни ее подружки никогда не были ни членами, ни фанатами КПРФ. А по всей стране сейчас насчитывается несколько миллионов детей войны. Если каждого попросить скинуться по 130 рублей на медальки, получится вполне приличная сумма.

Александра ГАРМАЖПОВА

Как нарушить покой автоугонщика

«Угонам нет» готовы обогнать полицию по эффективности в несколько раз

В 2014 году в Петербурге было совершено около 6250 автоугонков. Раскрыто 3,6% дел — чуть больше 200 случаев. Машин владельцам возвращено и того меньше. Государство не справляется с волной угонов и, к счастью, даже в полиции начали это осознавать. Весной 2015-го ГУМВД по СПб и ЛО официально поддержало общественную инициативу «Угонам нет» (ugonamnet.ru). С августа это движение заработало на полную мощность — в месяц активисты находят 60-70 автомобилей.

«Угонам нет» — сайт, аккумулирующий информацию, 3-4 аналитика, ее обрабатывающих, и около двух десятков «файндеров» — людей, которые на регулярной основе занимаются тем, что ходят по городу и ищут подозрительные автомобили. Плюс волонтеры, которые через сайт всегда могут проверить, находится ли машина в угоне.

Благодаря сотрудничеству с ГУМВД «Угонам нет» получает информацию от полиции и может оперативно определять, является ли тот или иной автомобиль угнанным.

Минус один!

Автомобиль Nissan Teana был найден файндером во дворе дома в спальном районе вечером 18 ноября 2015 года. Автомобиль вызвал у него подозрение, во-первых, потому что была неделя угонов «Тяна» (их пропало очень много). Во-вторых, номер, на нем висевший, начинался на букву «А» — такие номера выдавались в основном лет десять назад. Так как «Тяна» — модель новая, это показалось файндеру странным.

«Есть много способов заподозрить, что автомобиль, который вы видите, находится в угоне, — поясняет один из лидеров движения Алексей Трофимов. — Чаще всего мест во дворах для парковки

не хватает, и автолюбители легко смогут заметить «чужую» машину. Если она стоит несколько дней без движения — высока вероятность того, что она угнана и находится в «отстойнике». Повышает вероятность номерной знак другого региона: полицейская информационная система устарела, и сотрудники ГИБДД, остановив автомобиль, не смогут узнать, что он угнан, если похититель успел заехать в другой регион. Единой базы угонов по стране до сих пор не существует».

Как объясняет Алексей, у угонщиков есть несколько отработанных сценариев работы с украденными машинами. Один из них: угнав машину, поставить ее где-нибудь поблизости, под присмотром, на недельку-другую, с целью понаблюдать, не найдет ли ее хозяин: например, по GPS-маячку и т.п. Если машина обнаруживается, угонщик ничего не теряет. Тогда машину можно найти неподалеку от места угона.

Иногда, прежде чем ставить угнанную машину в отстой, на ней могут поменять номер: чтобы труднее было опознать.

Это и произошло с Nissan Teana. Файндер запросил помощи у аналитиков, и те, используя открытые источники, выяснили, что номер, начинающийся с «А», принадлежит «Вольво-850» 1993 года выпуска. Участники движения вызвали на место полицию, пригласив туда активистов «Угонам нет» — на случай непредвиденных обстоятельств. Потом начался поиск владельцев — как автомобиля, так и номерного знака.

Полиция приехала только через несколько часов и выставила пост; до тех пор активисты блокировали выезд потенциально угнанной машине своим транспортом.

«Если бы угонщик пришел на место и попытался скрыться, мы не стали бы его задерживать, — поясняет Алексей Трофимов. — Это дело правоохранительных органов, и мы не собираемся подвергать участников нашего движения опасности. Тем более что среди наших файндеров

есть и студенты, и даже мамы, гуляющие с колясками. Однако заблокировать выезд угнанному автомобилю — относительно безопасно».

Наконец, спустя часов восемь на место прибывает следственная группа, которая проводит осмотр автомобиля. Они выяснили его VIN-номер (повезло, что угонщики не успели его перебить) и нашли владельца. Машина действительно была угнана из Московской области 20 октября 2015 г.

19 ноября утром владелец угнанного ниссана уже приехал в Петербург и вскоре смог забрать свой автомобиль.

Между тем активисты связались с владельцем вольво, с которого был снят номер, обнаруженный на угнанной машине. Оказалось, тот поставил свою машину на ремонт в один из небольших автосервисов, причем ремонт предполагался долгий.

«Логично предположить, что сотрудники автосервиса могут быть причастны к происшедшему, — рассуждает Трофимов. — Пока машина на ремонте, они могут использовать номер в иных целях. Мы сообщили это следователям. По идее, они должны первым делом проверить, не работает ли кто-либо из сотрудников автосервиса поблизости от того места, где обнаружен угнанный автомобиль».

Как делается в Питере

По мнению активистов «Угонам нет», в Петербурге действует несколько преступных группировок, занимающихся угонами, причем, вполне вероятно, имеющих связи с полицией. Для них это отлаженный бизнес.

Сначала они угоняют автомобили, используя так называемые кодграбберы — электронные устройства, способные взломать центральный замок и отключить сигнализацию автомобиля. Интересно, что кодграбберы находятся в свободной продаже, их может купить любой желающий. А в интернете есть целые сообщества фрикеро — взломщиков электронных

систем, которые помогают друг другу бороться с охранными нововведениями. На самом деле простой запрет на продажу кодграбберов уже осложнил бы жизнь преступникам.

Дальше с угнанным автомобилем могут поступить по-разному. Значительную часть предлагают вернуть владельцам за выкуп. Причем часто это делают так называемые частные детективы.

«Деятельность таких людей, на мой взгляд, может подпадать под статью «Вымогательство», — считает Алексей Трофимов. — Я сам занимаюсь детективной деятельностью и не понимаю, каким образом они могут оставаться в правовом поле, если находят машину, предоставляют ее фотографии, в том числе изнутри, истинному владельцу, а потом требуют денег за то, чтобы назвать ему место, где она находится. По закону, если детектив обнаружил похищенный автомобиль, он должен первым делом вызвать полицию, а потом уже решать вопросы с клиентом — в соответствии с имевшимися у них договоренностями».

Если владелец отказывается иметь дело с «детективом» — вымогателем, машина может быть продана. Для чего на ней перебивают VIN-номер и меняют номера (это называется «переколбас»; а автосервисы, где это делается, — «колбасный цех»). Проще всего это сделать, найдя в интернете сообщения о продаже похожей машины в другом регионе. Тогда угонщик обращается к продавцу и просит его прислать копии документов на машину, а также копию паспорта, якобы чтобы их проверить. Так он узнает госномер и VIN-номер автомобиля, копирует их на угнанной машине — и получается двойник реально существующего транспортного средства, который ГИБДД не в состоянии отследить, так как он находится в другом регионе!

Затем подделывается паспорт владельца машины (но с фотографией одного из членов банды), и по нему угнанный автомобиль продается ничего не подозревающему покупателю.

Интересно, что при этом в проданную машину нередко ставится маячок — той же ночью угонщик находит ее и угоняет снова, чтобы перепродать, ведь у него собраны уже несколько пакетов документов: госномеров и VIN-номеров — именно на эту машину.

Наконец, вместо мучений с переколбасом можно просто разобрать угнанную машину на запчасти (отдать в «распил»).

Подобная информация, как и много другой, не является секретом и для полицейских. Однако они почему-то не в состоянии сравниться в поиске угнанных машин с маленькой командой активистов. Это может быть связано с тем, что как показатель эффективности работы полиции имеют значение только раскрытые дела, а не обнаруженные автомобили. Однако и это не объяснение: дел тоже раскрывается крайне мало. В основном лишь в тех случаях, когда ГИБДД ловит угонщика «на горячем», за рулем только что угнанной машины. Значит, есть иная причина крайней неэффективности полиции в делах об угоне. Остается сложить два и два.

Анджей БЕЛОВРАНИН

Дмитрий ТРАВИН
научный руководитель
Центра исследований
модернизации
Европейского
университета
в Санкт-Петербурге

Слабость кремлевской идеологии

Для того чтобы сохранить поддержку населения в условиях экономического кризиса и выиграть президентские выборы 2018 г., Владимир Путин выстраивает сегодня идеологию осажденной крепости (см. № 83 от 12.11.2015). По всей видимости, в краткосрочном плане эта идеология сработает эффективно. Но можно ли таким образом по-настоящему укрепить общество? Вряд ли.

Дело в том, что идеология может быть позитивной и негативной. Позитивная показывает людям светлую перспективу, ради которой стоит жить и бороться с врагами. Негативная демонстрирует только врагов. Она страшит обывателя всякими ужасами и заставляет отчаянно отбиваться, но не создает при этом никакого образа будущего.

Яркий пример позитивной идеологии — это коммунизм. Первые поколения строителей коммунизма искренне верили в то, что ради счастья детей и внуков нам стоит претерпеть разного рода трудности. Стоит затянуть пояса, стоит сражаться с агрессорами, стоит терпеть тираническую власть, без мудрости которого эти агрессоры раздавят Советский Союз. Коммунистическая идеология рухнула лишь с приходом поколения семидесятников, не видевшего уже светлых перспектив и отчетливо понимавшего, что брежневское руководство лишь паразитирует на «великих идеях», не веря на самом деле ни в бога, ни в Маркса.

Христианство — пример долговременной позитивной идеологии, которая переносит светлое будущее в мир иной, а потому не устаревает, как коммунизм, на протяжении жизни двух-трех поколений. Исламские фундаменталисты, готовые жертвовать собой, тоже являются представителями идеологии, рисующей светлый образ будущего и способной увлечь за собой людей, отчаявшихся получить надежду на спасение в этом мире.

В отличие от великих религий и великих иллюзий прошлого негативная идеология путинской эпохи не способна дать людям четкую цель в жизни. По сути дела она представляет собой не более чем невроз, когда запуганный телевидением зритель видит со всех сторон революционеров, майдаунов, национал-предателей, либерастов и прочую «нечисть», стремящуюся, как он полагает, вернуть общество в лихие 90-е, когда зарплаты были низкими, а пенсии — нищенскими.

Ради своего нынешнего благосостояния обыватель готов полюбить Путина, поверить в антикризисные усилия правительства и даже дать добро на некоторое увеличение числа пушек вместо импортного масла (но так, чтобы хотя бы отечественное на прилавках лежало!).

Подобная негативная идеология способна создать иллюзию широкой поддержки и даже привести часть обще-

ства к урнам для голосования за Путина в 2018 году, но у нее есть два серьезных недостатка.

Во-первых, негативная идеология, в отличие от позитивной, не порождает героев, способных бескомпромиссно бороться за нынешний политический режим. Путинский избиратель спокойно потратит часик своего времени, чтобы пойти на участок и бросить в урну бюллетень, но он не выйдет защищать режим ценой своей жизни и здоровья в кризисной ситуации. Ведь режим-то для него ценен лишь тем, что дает возможность спокойного, растительного существования.

Во-вторых, негативная идеология мгновенно умирает в том случае, если власть меняется, а никаких напрогноченных пропагандой ужасов не происходит. Иными словами, идеология воздействует на обывателя лишь до тех пор, пока элита заинтересована дурить ему голову. Если же элита вдруг предлагает народу иную модель развития, он быстро теряет свои недавние идеалы. И упоение от того, что Крым наш, развеивается как дурной сон.

Негативная идеология не переживет своего создателя, если элиты не захотят ее культивировать дальше. А они вряд ли этого захотят, поскольку в перспективе они уже не будут иметь от сохранения путинского политического режима тех выгод, которые имели в нулевые годы. При низких ценах на нефть невозможно извлекать былую нефтяную ренту. Невозможно получать былые прибыли от бизнеса, невозможно брать былые взятки и откаты, невозможно сохранять астрономические зарплаты для ближайшего окружения вождя.

Новому поколению российских лидеров понадобится выстраивать свое благосостояние иным путем, нежели нынешнему. И путь этот предполагает выстраивание эффективной экономики, являющейся частью мирового рыночного хозяйства. Поэтому к тому времени, когда Путин уже не будет править Россией, в элите сформируется устойчивое представление о необходимости разрядки международной напряженности и о необходимости жить по сложившимся европейским правилам. В такой ситуации идеология осажденной крепости не сможет быть востребована и телевидение быстро перестанет кормить народ подобной духовной продукцией.

АНОНС

Дмитрий Травин приглашает на презентацию своей новой книги «Крутые горки XXI века: постмодернизация и проблемы России», которая состоится 3 декабря в 18.00 в конференц-зале Европейского университета (Гагаринская ул., 3). В программе вечера рассказ о книге и свободная дискуссия на любые темы.

Граждане, поберегите силы! А страна побережет деньги

Понятна спешка с принятием закона, разрешающего Конституционному суду РФ признавать неисполнимыми решения международных судов

Борис ВИШНЕВСКИЙ
обозреватель
«Новой газеты»

Проект внесен в Госдуму представителями всех четырех фракций: единороссом Владимиром Плигиным, коммунистом Василием Лихачевым, «эсером» Михаилом Емельяновым и жириновцем Алексеем Диденко. Компанию им составил сенатор Андрей Клишас (автор многих предложений о «закручивании гаек»).

Опираются перечисленные законотворцы на решение КС от 14 июля 2015 года, где было установлено, что решения Европейского суда по правам человека будут исполняться лишь с учетом «верховенства Конституции РФ», причем проверять, выполняется ли это условие, будет сам Конституционный суд.

Собственно, еще тогда стало ясно, что российские власти ускоренными темпами создают механизм, позволяющий не исполнять неприятные для них решения Страсбургского суда.

И делают это после решения по «делу ЮКОСа» и в тревожном ожидании обсуждения вопросов о «присоединении» Крыма и конфискации украинской собственности (вердикт по этим делам предвидеть нетрудно)...

Как отмечают авторы в пояснительной записке, они лишь стремятся создать «специальный правовой механизм» разрешения Конституционным судом вопроса о возможности или невозможности «с точки зрения принципов верховенства и высшей юридической силы Конституции РФ» исполнить вынесенное по жалобе против России постановление «межгосударственного органа по защите прав человека».

Если КС решит, что «в части, объявляющей Российской Федерацию к принятию мер по его исполнению» это постановление «основано на положениях международного договора РФ в истолковании, приводящем к их расхождению с Конституцией РФ», он принимает решение о «невозможности исполнения» (акты), направленные на исполнение соответствующего решения межгосударственного органа по защите прав и свобод человека, в Российской Федерации не могут осуществляться (приниматься)».

По сути, Конституционному суду дается право решать, какие из вердиктов международных судов (где российские

граждане добиваются защиты своих прав, нарушенных российским государством) исполнять, а какие — нет. Это, как, видимо, рассчитывают авторы проекта, во многом лишает смысла обращения в тот же ЕСПЧ за защитой: зачем тратить годы (рассмотрение в Страсбурге редко бывает быстрым) и силы, если потом исполнение решения будет заблокировано? А в том, что при наличии высочайшей воли КС сможет отыскать «расхождение с Конституцией», сомнений нет никаких. Значит, меньше будет попыток обратиться в ЕСПЧ по делам о конфискации собственности или фальсификациям на выборах, о запрете митингов и нарушениях свободы слова.

Поэтому понятна та спешка, с которой в Думе стремятся принять проект: уже 1 декабря пройдет первое чтение. И понятен административный восторг сенатора Клишаса, мол, это «позволит оперативно реагировать на необоснованные претензии к Российской Федерации, которые зачастую политически мотивированны».

Ну конечно же, если верить Кремль-ТВ и пресс-службе МИДа — все решения по делам, проигранным Россией в международных судах, обязательно «политически мотивированны». Не представляют себе люди, что суд может принять решение по закону — оно может быть только «мотивированно»...

Толку, впрочем, от всего этого будет не так много, как надеются «охранители», и вот почему.

Есть такая 46-я статья Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (конвенция ратифицирована Россией), где совершенно однозначно установлена обязанность подписавших ее стран «исполнять окончательные постановления Европейского суда по правам человека по любому делу, в котором они выступают сторонами». И без какой-либо возможности выяснять, не расходится ли исполнение постановления ЕСПЧ с национальной конституцией.

Поэтому за пределами России никакие постановления КС, выясняющие, не имеется ли указанных «расхождений», не будут иметь никакой юридической силы и вообще никого не будут интересовать. Иначе говоря, если в «расхождении с Конституцией РФ» (по мнению КС) постановлении ЕСПЧ будет идти речь о материальных претензиях к России — будут арестовывать российское имущество без малейшего стеснения.

Избежать такого развития событий можно только одним путем: «разойтись» с европейским правосудием, выйдя из Совета Европы.

Пока, судя по всему, российские власти на этот шаг не решаются.

Выше руки, Кремль!

Индустрия
простых истин
набирает обороты

Слава
ТАРОЩИНА
обозреватель
«Новой»

Посреди триумфальной операции «Возмездие» с бомбами, крылатыми ракетами, штурмовиками и прочими истребителями случился мирный концерт.

25-летие Федеральной налоговой службы отмечали с размахом, в Кремле.

Ради праздника покусались на святое — задержали вечерний выпуск «Вестей» на полчаса. Конференс блистал поэзией в особо крупных размерах: «Он вводит женщин песнями в экстаз, заслуженный артист Михайлов Стас». Уж на что, казалось бы, трудно ввести в экстаз Голикову, главу Счетной палаты, но и она радостно аплодировала кумиру. Концерт хороший. Даже суровая Навка с миролюбивым Песковым имеются в первом ряду. А на сцене — чистая благодать: Валерия (почему-то с голым животом, чуть прикрытым сеточкой), Билан, Киркоров, Лепс, похудевшая Пугачева в финале. Только что-то смущало в бурной симфонии налоговиков с налогоплательщиками. Нет, не штурмовики с истребителями, не теракты и даже не смутный общий контекст, а некий забытый звук. Вдохновенные ведущие уж очень рьяно пели гимны налоговикам в частности и народу в целом, что шло в разрез с брутальной стилистикой последних десяти лет. Ведь электорат отдавал свои проценты любви к власти охотно, не требуя взаимности. Телевизионное народолюбие, актуальное в начале века, окончательно выдавил телевизионный патриотизм. Он и сегодня востребован, но что-то незримо меняется.

ТВ впадает в анабиоз. Рухнувший рекламный рынок обездолил даже вечерний прайм, каковой подсел на повторы. Такого не было никогда. Юбилейная Гурченко с утра до вечера два выходных дня на двух главных каналах страны — явный сигнал тревоги. Скоро «Россия» выдаст Шолохова («Тихий Дон»), Первый — Аксенова («Таинственная страсть»), а дальше — тишина. На производство оригинального продукта денег нет и не предвидится. Можно, конечно, обойтись жесткой пропагандой, но и здесь срывается синдром выгорания. Дело не в исполнителях, а в концепции. Борются с Западом и Обамой и одновременно талдычат о необходимости сотрудничества с ними — тупиковая ветвь развития.

Тут-то на авансцену и выходит Валерий Комиссаров, эмблема перемен. Его однофамилец спас Александра II от бомбы — отвел руку террориста Каракозова. Император пожаловал спасателя орденом и дворянство. Комиссаров тоже отвести гипотетическую вражью руку от нацидлера не помешает. Опыт у В. К. большой. Он успешно олицетворял еще при Ельцине крепнущую связь с народом. При нынешней власти обер-знарок национальной психологии ушел с экрана, но недалеко. Ему пожаловали депутатство в Госдуме и членство в Высшем совете «Единой России». И вот теперь он возвращается с ежедневной программой «Наш человек». Талант В. К. уникален. С одной стороны, он способен ополщить всё на свете — от Евангелия до телефонной книги. С другой — каждое свое начинание он скариализует до общероссийского масштаба с последующим производством майонезов, соусов, круп, газет, журналов и концернов «Красная площадь». «Наш человек» — это только начало. Комиссаров, как гласит его первое пришествие, размножается делением. Тогда «Моя

Петр САРУХАНОВ — «Новая»

25-летие ФНС отмечали с размахом. Конференс блистал поэзией в особо крупных размерах

семья» перетекала в «Марьину рошу», «Идеального мужчину», «Дом-2». О востребованности комиссаровщины на рубеже веков говорили великие люди — от Шойгу до Кобзона. Последний даже придал «Моей семье» статус национальной идеи. Благодарный ведущий незамедлительно подтвердил высокую духовность очередным афоризмом: «Уж климакс близится, а Германна все нет».

Теперь наш герой заматерел, но, как и прежде, жизнерадостно похлопывает себя по упитанным ляжкам и мечет афоризмы. «Наш человек» обязан излучать позитив. Позитив выглядит так: гость в студии рассказывает о том, что его жена родила в коме, нужна помощь. И ведущий тотчас помогает гостю — рассказывает в ответ древний анекдот. В. К. — специалист по простым истинам. Индустрия простых истин (они же, по Комиссарову, вечные ценности) всегда возвышается в периоды промежутка. Феномен комиссаровщины

дешев и доходен: примитивность идеи объясняется народностью, а пустота формы и содержания — доступностью. Канал «Россия» уже по уши окунулся в эти самые ценности, запустив вдогонку «Нашему человеку» сразу две премьеры.

Программа «Личное» говорит о личном. Первым на крючок попался Гафт. Он почему-то всегда попадает на подобные крючки. У него даже 40-летний сын из Бразилии обнаружился сначала в ящике, у Малахова, а потом уж в реальности. Почему этот мощный человек предпочитает жанр публичной исповеди — непонятно. Только слушать его нелегко. А вот слушать Татьяну Пушкину с ее дебютом под названием «Две жены» легко и приятно. Битва за Максима Дунаевского стремительно расширяет кругозор. В схватку за композитора вступает последняя жена под номером семь и одна из предыдущих, непронумерованных, гражданских жен. Все дамы демонстрируют чудеса косметологии. Я бы на месте композитора остановилась на непронумерованной жене — она живая и милая. От той, что под номером семь, веет Арктикой. Кстати, где Татьяна Пушкина, там не за горами и Оксана Пушкина. Еще с лихих девяностых прославленные дамы ходят парой. А пока зрителей подушит в объятиях премьеры Ирины Муромцевой «Гости по воскресеньям» (Первый канал). В анонсах замечен Алексей Пивоваров — видимо, для укрупнения замысла. Обещают Диброва, то ли с четвертой, то ли с пятой женой.

«Выше руки, Кремль!» — истощно вопит на концерте налоговиков неугомонный Басков. Золотой голос России прав. Выше руки, Кремль, и будет всем счастье.

Редакторы номера:
Р. Дубов, А. Полухин

www.novayagazeta.spb.ru

www.novayagazeta.ru

Наш адрес
в интернете:
NovayaGazeta.Ru

**НОВАЯ
ГАЗЕТА**

РЕДАКЦИЯ

Дмитрий МУРАТОВ (главный редактор)

Редакционная коллегия: Роман АНИН (редактор отдела расследований — «отдел Ю. Щекочихина»), Ольга БОБРОВА (редактор отдела специальных репортажей — «отдел Н. Микеладзе»), Руслан ДУБОВ (зам шеф-редактора, ответственный секретарь), Сергей КОЖЕУРОВ (первый зам главного редактора), Александр ЛЕБЕДЕВ (зам главного редактора), Андрей ЛИПСКИЙ (зам главного редактора), Кирилл МАРТЫНОВ (редактор отдела политики и экономики), Константин ПОЛЕСКОВ (шеф-редактор WEB-редакции), Алексей ПОЛУХИН (шеф-редактор), Георгий РОЗИНСКИЙ (зам главного редактора), Юрий РОСТ (обозреватель), Петр САРУХАНОВ (главный художник), Юрий САФРОНОВ, Сергей СОКОЛОВ (зам главного редактора), Ольга ТИМОФЕЕВА (редактор отдела культуры), Олег ХЛЕБНИКОВ (зам главного редактора), Виталий ЯРОШЕВСКИЙ (зам главного редактора, омбудсмен редакции)

Обозреватели и специальные корреспонденты: Юрий БАТУРИН, Борис БРОНШТЕЙН, Борис ВИШНЕВСКИЙ, Ирина ГОРДИЕНКО, Эльвира ГОРЮХИНА, Елена ДЬЯКОВА, Зоя ЕРОШОК, Вячеслав ИЗМАЙЛОВ, Сергей КАНЕВ, Павел КАНЬГИН, Елена КОСТЮЧЕНКО, Юлия ЛАТЫНИНА, Елена МАСЮК, Ирек МУРТАЗИН, Галина МУРСАЛИЕВА, Леонид НИКИТИНСКИЙ, Ирина ПЕТРОВСКАЯ, Алексей ПОЛИКОВСКИЙ, Юлия ПОЛУХИНА, Елена РАЧЕВА, Людмила РЫБИНА, Андрей СУХОТИН, Алексей ТАРАСОВ, Слава ТАРОЩИНА, Марина ТОКАРЕВА, Павел ФЕЛЬГЕНГАУЭР, Диана ХАЧАТРИАН, Вера ЧЕЛИЩЕВА, Наталья ЧЕРНОВА

Ведущие рубрик: Евгений БУНИМОВИЧ, Дмитрий БЫКОВ, Александр ГЕНИС, Павел ГУТИОНТОВ, Юрий РЕВИЧ, Кирилл РОГОВ, Дина РУБИНА, Ким СМИРНОВ, Артемий ТРОИЦКИЙ, Сергей ЮРСКИЙ

Руководители направлений: Лариса МАЛЮКОВА (кино), Владимир МОЗГОВОЙ (спорт), Елена МИЛАШИНА (специпроекты — «отдел И. Домникова»), Надежда ПРУСЕНКОВА (пресс-служба)

Собственные корреспонденты: Надежда АНДРЕЕВА (Саратов), Георгий БОРОДЯНСКИЙ (Омск), Мария ЕПИФАНОВА (страны Балтии и Северной Европы), Иван ЖИЛИН (Киров), Сергей ЗОЛОВКИН (Гамбург), Сергей КУРТ-АДЖИЕВ, Наталья ФОМИНА (Самара), Виктория

МАКАРЕНКО (Ростов-на-Дону), Александр МИНЕЕВ (Брюссель), Ольга МУСАФИРОВА (Киев), Александр ПАНОВ (Вашингтон), Нина ПЕТЛЯНОВА (Санкт-Петербург), Юрий САФРОНОВ (Париж), Евгений ТИТОВ (Краснодар), Ирина ХАЛИП (Минск)

Группа выпуска: Юрий КОЗЫРЕВ (директор фотослужбы), Анна АРТЕМЬЕВА, Евгений ФЕЛЬДМАН (фотокорреспонденты), Анна ЖАВОРОНКОВА, Алексей КОМАРОВ, Татьяна ПЛОТНИКОВА (билд-редакторы), Оксана МИСИРОВА, Надежда ХРАПОВА, Вероника ЦОЦКО (технические редакторы, дизайн, макет)

WEB-редакция: Сергей ЛИПСКИЙ, Наталья ПОЛОВИНКО, Евгений ШИРЯЕВ

ДИРЕКЦИЯ

Сергей КОЖЕУРОВ (генеральный директор)

Владимир ГРИБКОВ (заместитель генерального директора), Светлана БОЧКАЛОВА, Михаил ЗАЙЦЕВ (распространение), Владимир ВАНЯЙКИН (управление делами), Ирина ДРАНКОВА (бухгалтерия), Наталья ЗЫКОВА (персонал), Анжелика ПОЛЯКОВА (реклама), Ярослав КОЖЕУРОВ (юридическая служба), Валерий ШИРЯЕВ (заместитель директора), Сталина УСПЕНСКАЯ (директор по уюту)

РЕДАКЦИЯ НОВОЙ
ГАЗЕТЫ В СПБ

Учредитель и издатель: ООО «МЕДИА.С-ПБ»
СПб., 11-я линия, 66

Д. Л. КАЧАЛОВА (редактор)

199048, Санкт-Петербург, 11-я линия, 66.

ООО «Медиа.С-Пб».

Наша группа ВКонтакте: vk.com/noga_spb, тел. 331-71-82

Подписной индекс:

84804

Газета зарегистрирована Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Свидетельство о регистрации ПИ № Ту 78-01130 от 18 мая 2012 г.

Общий тираж — 222 250 экз.

Тираж сертифицирован

Novayagazeta.Ru — 18 171 485 просмотров за октябрь 2015 г.

Тираж одного номера в СПб — 5320 экз.

«Новая газета» зарегистрирована в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Свидетельство ПИ № ФС 77-24833 от 04 июля 2006 г.

Учредитель и издатель: ЗАО «Издательский дом «Новая газета». Редакция:

АНО «Редакционно-издательский дом «Новая газета». Адрес: Потаповский пер., д. 3, Москва, 101000.

© ЗАО «ИД «Новая газета», АНО «РИД «Новая газета», 2015 г.

Любое использование материалов, в том числе путем перепечатки, допускается только по согласованию с редакцией.

Ответственность за содержание рекламных материалов несет рекламодатель. Рукописи и письма, направленные в Редакцию, не рецензируются и не возвращаются. Направление письма в Редакцию является согласием на обработку (в том числе публикацию в газете) персональных данных автора письма, содержащихся в этом письме, если в письме не указано иное

Заказ №28. Типография ООО «Фирма «КУРЬЕР», СПб, Благодатная ул., 63.

Цена свободная. Срок подписания в печать по графику: 19:30, 24.11.2015 г.

Номер подписки: 19:30, 24.11.2015. Время подписания номера в печать в СПб: 23:00, 25.11.2015. Уважаемые читатели! Просим вас корректно присылать по адресу: 199048, Санкт-Петербург, 11-я линия, 66. ООО «Медиа.С-Пб».